

ИСТОРИЯ ГАЛАКТИКИ

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ

ЗАПРЕЩЕННЫЙ
КОНТАКТ

Андрей Львович Ливадный
Запрещенный контакт
Серия «Экспансия: История
Галактики», книга 57

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606463

*Запрещенный контакт / Андрей Ливадный: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70554-2*

Аннотация

Их время наконец пришло! Три миллиона лет созданные логрианами клоны ждали, когда появится возможность отомстить тем, кто их сотворил, и обрести право на полноценную жизнь, а то и на бессмертие... Происходящие в системе Ожерелье загадочные события роковым образом могли отразиться не только на судьбе человечества, но и всей Галактики. Команда Дениела Райбека, крупнейшего космического археолога, рискуя собой, высаживается на изувеченную катаклизмами поверхность Первого Мира, чтобы в беспощадной схватке с многочисленными врагами попытаться спасти Будущее...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	18
Глава 2	52
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Андрей Ливадный

Запрещенный контакт

© Ливадный А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

В мерклом свете занимающейся зари, по старой заброшенной дороге бесшумно ступал Ашанг. Чахлая фиолетовая трава и багряный мох пробивались в трещинах черных, покрытых коническими выемками плит.

Дорога извивалась между скал. Часто на пути встречались разрушенные укрепления. Останки их защитников давно истлели, но даже безжалостное время не в силах стереть все свидетельства прошлого. Из стылого предрассветного тумана выдавливало утесы, испещренные оплавленными шрамами, изредка в поле зрения попадали обломки сбитых кораблей и корпуса выгоревших дотла аэрокосмических истребителей.

Чем выше, тем холоднее. Капельки влаги конденсировались на панцирных пластинах природной брони Ашанга, и он быстро начинал терять силы. Промозглая сырость отни-

мала жизнь, вынуждала двигаться медленно.

Бездонное, беззвездное небо над головой. Полумесяцы трех планет, всю ночь освещавшие путь, под утро начали постепенно бледнеть.

Скоро рассвет. Обжигающие лучи брызнут из-за изломов могучего хребта, растопят туман, согреют кровь.

Предки Ашанга пришли в этот мир, чтобы завоевать его, бросить к ногам старшей космической расы, но в той битве не было победителей. Выжили немногие.

Он остановился, запрокинул голову, с тоской взглянул в небеса, словно надеялся увидеть яростный восход двух солнц, – образ, хранимый в генетической памяти поколений.

Двойная звезда Фокар-Сиан затерялась в немыслимой дали, грезы о ней не согреют, не придадут сил холодными ночами. Он вообще не должен испытывать чувств. «Ашанг» на языке фокарсиан означает «воин». Особь, рожденная с единственной целью: выполнить поставленную задачу. Неважно, что в конце пути почти всегда ожидает смерть.

Поднялся ветер, порвал туманную муть, разметал ее тающими клочьями.

Впереди он увидел убеленные снегами горные пики да голые скалы. Растительность заметно оскудела, а вскоре она исчезнет вовсе.

Этот мир слишком холоден и суров, чтобы в нем могли выжить фокарсиане, но путь назад, к знакомым звездам, закрыт.

Ветер пронизывал, нес острые крупички снега. Неожиданно началась метель. С востока надвигались плотные облака.

Ашанг свернул с дороги, забился в расселину, впал в состояние кратковременной гибернации.

Его панцирь постепенно покрылся корочкой наледи. Обмен веществ замедлился. Разыгравшаяся непогода бушевала, выла, — так продолжалось двое суток.

Наконец, на третий день облачный фронт рассеялся, и долгожданные животворящие лучи коснулись промерзших скал.

Ашанг вяло пошевелился. Над краем неглубокой расселины показалась его голова. Удлиненный к затылку череп влажно поблескивал. Фасетчатые глаза смотрели на обновившийся мир без явного выражения эмоций. Движением трехпалой кисти руки он стряхнул подтаявшую корочку льда, выполз на дорогу. Черные плиты быстро нагревались, долго удерживали тепло.

Гибернация губительна для рассудка фокарсианина. Экстремальный способ выживания непригоден для отдельной особи. На родной планете зима случалась один раз в столетие. Одолеть ее последствия помогал выработанный в ходе эволюции механизм генетической памяти, но он работал медленно. Зная эту особенность, понимая, что в горах, среди снега и льдов, Ашангу придется несладко, сородичи позаботились о примитивном, но действенном способе стимуляции нужных воспоминаний.

На сегментированных панцирных пластинах, защищающих грудь и живот Ашанга, они выцарапали карту и несколько образов, дающих мгновенные подсказки.

Он наконец согрелся.

До цели осталось совсем немного. Судя по карте, вход во внутрискальный лабиринт расположен чуть выше. Нужно свернуть с дороги, пройти через ущелье, подняться по обледеневшим ступеням каменной лестницы, и тогда взгляду откроется продуваемое ветрами плато.

Ашанг почувствовал прилив сил. После гибернации все посторонние мысли исчезли. Осталась лишь цель, которой надо достичь сегодня до заката. Еще одной холодной ночи организм не выдержит.

* * *

На обширной площадке ранее возвышались массивные укрепления, но сейчас от них остались лишь руины.

Ашанг замер, заметив дым, уловив сложные запахи. Поблизости жили какие-то существа, они готовили пищу, громко переговаривались между собой, издавая низкие рычащие звуки.

Вот двое из них вышли из сумрака старого укрепления, прямоком направились к лестнице, подле которой притаился фокарсианин.

Их вид внушал отвращение, порождал глухую агрессию,

присущую воину.

Настоящие великаны, – он изучал противника. Тела сплошь покрыты густой коричневатой шерстью. Ашанг взглянул на рисунок, процарапанный в качестве подсказки, заметил схематичное изображение схожих существ.

Стражи. Дегradировавшие потомки одного из элитных подразделений, в прошлом защищавшего этот мир.

Внезапная дрожь охватила Ашанга. Прочитанные символы всколыхнули дремлющую память. В недрах горы был скрыт механизм, открывающий путь к родным звездам. На протяжении поколений фокарсиане безуспешно искали его. Они покупали информацию, убивали из-за нее, подвергали пленных существ пыткам, по крохам собирая нужные сведения.

После битвы планета погрузилась в сумерки невежества. Великие цивилизации исчезли, а их слуги дегradировали. Общей участи избежали лишь фокарсиане. Благодаря наследственной памяти каждое в муках рожденное поколение обладало опытом своих предшественников.

А вот Стражи не избежали регресса. Когда-то именно они свели вничью исход проигранной битвы, закрыв гиперпространственный тоннель, отрезав атакующих от возможности получать все новые и новые подкрепления. Поселившись тут, среди снегов и льдов, они пытались сохранить свое былое предназначение, охраняя уникальную установку, но истина постепенно тонула во тьме веков, знания замещались

легендами, а величайшие технологические секреты обрели вид наскальных рисунков, – примитивных и доступных для понимания.

Ашанг привстал из-за укрытия. Пластины брони в районе его груди слегка разошлись, открывая две узкие прорези. В них пульсировала напряженная плоть, виднелись жала тонких игл, смоченных смертоносным токсином.

Оба Стража слышали сиплый звук выдоха, но даже не успели понять, откуда он исходит. Мгновенный паралич не оставил им шанса оказать сопротивление, но на этом удача отвернулась от Ашанга.

Его заметили, поднялась суматоха, раздались выкрики, призывающие к оружию.

Руины древнего укрепления служили домом для полусотни Стражей и их семей.

Неважно, сколько их! На протяжении долгого и трудного пути Ашанг берег силы, избегал ненужных схваток, стойчески переносил лишения. Ради этих нескольких минут каждый фокарсианин отдал ему большую часть накопленных в течение жизни метаболитов. Запас жизненно важных веществ до последнего момента хранился в отдельном, изолированном сегменте брюшной полости, и вот сейчас пошел в ход, ускоряя обмен веществ, даруя избыток энергии.

Едва уловимая взгляду тень метнулась по заиндевелым скалам. Ашанг двигался легко и стремительно, как подобает воину его расы. Используя малейшие неровности, он бежал

по отвесным стенам, перепрыгивал через расселины, уклонялся от выстрелов и убивал в ответ, действуя инстинктивно, беспощадно, не считаясь ни с чем, ибо сейчас от каждого его вдоха зависела судьба многих.

Рассудочность мышления на время отступила. Он двигался по концентрической окружности, убивая каждого, кто попадал в поле зрения. Со скал Ашанг перепрыгнул в руины, сея ужас в тесных коридорах и небольших помещениях, приспособленных под жилье.

Он уже истекал кровью, но не обращал внимания на полученные раны, пока не пал последний из Стражей.

* * *

Длинный изгибающийся плавной нисходящей спиралью коридор вел в недра скального массива.

Ашанг перешел с бега на шаг.

Стены испускали ровный холодный свет.

За ним тянулась неровная дорожка продолговатых кровавых капель, слегка вытянутых в направлении движения.

Мелкие незначительные травмы его не тревожили. Намного хуже дело обстояло с двумя тяжелыми ранениями. Ашанг заметно прихрамывал. В теснине помещений он не сумел уклониться от всех направленных в него выстрелов. Один повредил ногу, второй пробил грудь, и теперь при каждом вдохе раздавалось сипение, пузырилась кровь.

Если остановиться, отлежаться, то процессы регенерации тканей пойдут быстрее, но эхо доносило до слуха отдаленные звуки шагов. Погоня? Он знал, что поблизости располагались и другие поселки Стражей. Там наверняка поднялась тревога.

Главное сейчас – не потерять сознание.

Он остановился, тяжело осел на пол. Некоторое время Ашанг прислушивался к отдаленным звукам. «Похоже, я ошибся, – подумал он. – Эхо шагов идет из глубин подземелий. Ну да, ведь по информации, полученной им, стражи превратили сложнейшее устройство в предмет культа. В глубинах горы расположено их святилище, и оно не пусто».

Короткий отдых позволил ему остановить кровь. Рана в груди смертельна, но он и не рассчитывал на возвращение.

Встав, Ашанг упрямо направился в глубь древних коммуникаций. Теперь он не боялся заблудиться. Эхо отдаленных шагов служило ему надежным ориентиром, а вскоре врожденная способность к тепловидению позволила различить смутные расплывчатые очертания машины, способной манипулировать пространством и временем.

* * *

Свет чадающих факелов выхватывал из тьмы наскальные рисунки.

Трое жрецов, монотонно подвывая, замерли в позах ра-

болепия, еще один расхаживал между причудливыми пространственными узорами, сотканными из теплых на ощупь кристаллических нитей. Это его шаги отдавались эхом. Фокарсианин убил их без сомнений и жалости. Глупцы.

«Все, что мне нужно знать, скажут стены», – думал он, начиная обход внушительного по размерам подземного зала.

Ашанг прекрасно знал, изначально здесь не было никаких наскальных рисунков, а правильные последовательности расположения кристаллических нитей хранились хозяевами этого мира в строжайшем секрете. И лишь оказавшись на краю гибели, они открыли его доверенным существам, своим ближайшим помощникам, чтобы те остановили вторжение.

Он не мог понять, почему древние могучие существа не проделали необходимые манипуляции собственноручно?

Но факт остается фактом. Стражи (другого имени для этих существ фокарсиане не знали) были последними, кто управлял машиной.

Он выдернул из крепления факел, осветил стену.

Линии, высеченные в камне, складывались в сложные узоры. Их нанесли Стражи, когда процесс утраты знаний стал необратим, в надежде передать следующим поколениям тайну своего народа. Но все напрасно. Их потомки выродились, – об этом свидетельствовали глупые примитивные рисунки, сделанные позже, частично перекрывающие узор зашифрованных в линиях командных последовательностей.

Ашанг медленно шел вдоль стен.

На что он рассчитывал? Как существо непосвященное, способно разгадать тайну древних технологий, сделать правильные выводы на основе рисунков и в итоге запустить процессы, смысла которых не понимал никто из ныне живущих?

Ответ прост. Ашангу не требовалось вникать, постигать смысл или изучать техническое наследие исчезнувшей цивилизации. В этом зале располагался лишь простейший элемент управления, все остальные части уникального устройства были скрыты в ином пространственно-временном измерении и работали в автоматическом режиме.

У машины были четыре известные функции. Информацию о них удалось извлечь из легенд Стражей, пленив и допросив одного из жрецов.

Фокарсиане сумели правильно истолковать мифологию, отделить зерна истины от плевел вымыслов. Когда схема управления стала ясна, они создали Ашанга, вложив в боевую особь знания, необходимые для выполнения задачи.

Это был их последний, единственный шанс вырваться с проклятой планеты, вновь увидеть родные звезды.

Используя врожденную способность к тепловидению, Ашанг освещал стены, а затем отводил факел в сторону, глядясь в тепловой отпечаток. Первые, истинные линии были вырезаны при помощи энергетического инструмента. Края борозд отливали глянец, отражали часть тепловой энергии, а грубые рисунки, вышедшие из-под зубила каме-

нотесов, наоборот, нагревались.

Он несколько раз обошел зал по всему периметру, пока в сознании не сложился четкий рисунок командных последовательностей. Вопреки ожиданиям, их оказалось семь, и это поставило фокарсианина перед сложным выбором.

Ашанг обернулся, внимательно изучил строение компонентов, парящих в центре зала, и понял: они образуют три из семи последовательностей, отображенных на стенах.

Он не мог вернуться назад и спросить совета. Действовать нужно по плану, несмотря ни на что!

Кристаллические нити поддались легко. Ашанг разорвал одну из них, следуя рисунку, свернул в нужный узор, отпустил, и понял – это сработало! Устройство управления приняло новую конфигурацию, между его элементами проскочили ослепительные разряды энергии.

Он выполнил свое предназначение. Далеко от этих мест, среди пыльной равнины сейчас должно зародиться озеро тьмы. Через него фокарсиане на последнем, тщательно отремонтированном корабле покинут проклятый мир.

Внезапно «лишняя» часть разорванной Ашангом кристаллической цепочки пришла в движение, самостоятельно поднялась в воздух.

Кристаллов оказалось недостаточно для восстановления прежней, исходной конфигурации. Тогда они разделились, образуя два коротких узора. Первый был похож на плетъ, – он остался висеть низко над полом, а второй внезапно под-

нялся под свод зала и там замер, приняв форму дуги, с пятнадцатью утолщениями, расположенными через равные промежутки.

Первый «узелок» на дугообразной системе отсчета осветился, но сполохи не торопились перебраться на второй элемент.

Ашанг внимательно проследил за происходящим и решил задержаться. Существовала доля вероятности, что образование новых компонентов повлияет на ход событий.

Он скопировал их изображения, затем развернулся и зашагал прочь.

* * *

Ничего не случилось. Фокарсиане ждали, но все их надежды оказались тщетны.

Проклятый мир не отпустил никого.

...

Прошло много лет. Стерлась память о горстке фокарсиан, сменились поколения, вымерли последние Стражи.

О таинственной пещере забыли, вход во внутрискальный лабиринт частично поглотил обвал, но это не отменило таинственных процессов.

Настал день и час, когда сполохи энергии на дугообразном компоненте переместились ко второму узелку, отмечая приближение некоего запрограммированного Ашангом со-

бытия.

Глава 1

3895 год Галактического календаря.

Система Ожерелье. Борт станции военно-космических сил Конфедерации Солнц

В каюте Райбека Дениэла царил живописный рабочий беспорядок. В небольшом пространстве, объединяющем личный кабинет и жилое помещение, давно никто не прибирался, здесь вещицы с борта древних колониальных транспортов эпохи Великого Исхода соседствовали с современными инфомодулями, в воздухе парили сборки логрианских кристаллов, под ноги попадались загадочного вида устройства, статичные, нефункциональные, относящиеся к еще не изученным технологиям иных цивилизаций.

Среди прочего выделялся полукруглый стол, весь покрытый потеками черного полимера, – его изготовили рабочие особи насекомых. На бугристой поверхности стояла пустая чашка, рядом лежала пара древних кибстеков, подключенных к модулю диагностики, и застыл игрушечный сервоприводный ослик с комичной ободряющей улыбкой на жизнерадостной физиономии.

Обзорный иллюминатор был плотно закрыт экранирующими бронежалюзи, иначе вся электроника отказала бы вмиг.

Жить и работать в системе Ожерелье сложно, быть тут тру-

ден, аскетичен, но попасть сюда – предел мечтаний и вершина карьеры для любого ксеноархеолога.

Сегодня Райбек Дениэл вообще не ложился.

В объеме отдельного монитора медленно вращалась реконструкция корпуса аэрокосмического истребителя, воссозданная по фрагментам обшивки, найденным на поверхности Первого Мира. Дополнительные инфомодули отображали процесс автоматического поиска, – в их объеме с неуловимой для человеческого взгляда скоростью мелькали трехмерные изображения различных находок, сделанных не только в системе Ожерелье, но и на просторах освоенного людьми космоса. Выделенный канал гиперсферной частоты связывал личное цифровое пространство Райбека Дениэла с глобальными базами данных Элианского института истории и археологии космоса, – инициированное им исследование велось в масштабах Обитаемой Галактики.

То и дело раздавался тихий сигнал, и тогда подходящий под заданные критерии артефакт, занимал место в конце длинной очереди миниатюр.

Движением зрачков Райбек захватывал и перемещал голограммы, сравнивал их с реконструкцией, пока его расширитель сознания обрабатывал сопроводительные данные.

Не то... Не то... Не то... – Он беззвучно шевелил губами.

– К вам посетитель! – доложил голос.

– Входите, открыто! – не отрываясь от дела, Райбек Дениэл даже не взглянул в сторону двери. Сейчас его внима-

нием полностью владел обломок носовой части инопланетного корабля, найденный на седьмой планете Ожерелья, после подъема трех колониальных транспортов эпохи Великого Исхода, сорвавшихся на Вертикали гиперсферы.

Опять не то!..

Тихо прошипела пневматика. Сборки логрианских кристаллов, без видимой опоры парящие в воздухе, изогнулись, меняя конфигурацию, потянулись ко входу, сканируя посетителя.

– Одну минуту! – Райбек делал пометки. Игрушечный ослик взвизгнул сервомоторами, повернул мордашку, произнес:

– Адмирал? Какая приятная неожиданность! Если вы убедите норлианский скафандр – кресло в вашем распоряжении.

– Привет, Позитив, – все на станции прекрасно знали игрушечного ослика, оснащенного системой искусственного интеллекта, как, впрочем, и историю с ним связанную¹. Адмирал Кречетов без видимого усилия приподнял норлианский скафандр, осмотрелся, куда бы поставить громоздкую экипировку, нашел свободное место у стены.

– Нет, нет! Не туда! – встрепнулся Дениэл, несколько не смущаясь вопросами субординации. – Андрей Сергеевич, если не сложно, отнеси его ко встроенному шкафу! Да, вот так, хорошо! Надо бы убрать лишнее, – археолог окинул взглядом захламленную каюту, сделал пометку: вызвать ко-

¹ Подробнее в романе «Диспейсер».

манду инвентаризации, и тут же успешно забыл об отданном через сеть поручении.

Адмирал Кречетов уселся в освободившееся кресло. Он был сухопар, подтянут, сед. Обветренное лицо, натруженные руки, имплантированные адаптеры для подключения логр-компонентов – все в его облике говорило: этот человек не чурается рискованной полевой работы, невзирая на высокую должность и связанные с ней привилегии.

Райбек Дениэл выглядел полной противоположностью адмиралу. Известнейший археолог современности обладал вполне заурядной внешностью. Лет под пятьдесят, невысокий, полноватый, взлохмаченный и бледный, с глубоко запавшими глазами, что придавало его облику отпечаток крайней усталости, нервозности и неуравновешенности.

«Совсем не таким он прибыл на станцию год назад», – невольно подметил Кречетов. Поначалу они часто встречались по вопросам организации экспедиций, иногда резко спорили, расходясь во мнениях, но за последний месяц произошло нечто странное. Райбек заперся в своей каюте, не появлялся на людях, и лишь сетевая активность выдавала напряженный темп его работы.

Готовит очередное сенсационное открытие?

Дениэл тем временем завершил делать пометки, жестом свернул все голограммы, взял чашку, но та оказалась пуста.

Адмирал Кречетов щелкнул ослика по носу:

– Позитив, сгоняй-ка за кофе, – дружески попросил он.

Ослик вздохнул, но поплелся выполнять поручение. Навострив уши, чтобы не пропустить ни слова из назревающего разговора, он отправился в путешествие к краю бугристой столешницы, что было нелегко, ведь повсюду, создавая препятствия, громоздились археологические находки.

Райбек Дениэл поставил пустую чашку, сцепил пальцы рук в замок. Он выглядел крайне измотанным.

– Чем обязан визиту, Андрей Сергеевич? – хрипловато спросил он.

– Накануне вечером ты запросил транспорт для внеплановой высадки. Хочу узнать, с чего вдруг такая срочность?

Дениэл откинулся на спинку кресла, неосознанно теребя браслет кибстека.

– Нужно проверить одно предположение, – он попытался уйти от прямого ответа.

– А конкретнее? – Кречетов находил все больше странностей в поведении археолога. Как правило, в заявке четко указывается цель полевого выхода и координаты высадки, но на этот раз Райбек оставил обязательные для заполнения графы пустыми. Обычная рассеянность? Нет, не похоже. Он явно встревожен, измучен, как будто что-то гложет его изнутри. – Слухи по станции поползли, – продолжил адмирал в дружеском, полушутливом тоне. – Говорят, ты разгадал тайну Смещения и собираешься втихаря подвергнуть нас смертельному риску?

Дениэл отреагировал нервно:

– Слухи?! Андрей Сергеевич, а кто, позволь спросить, их распространяет?!

– Неважно, – усмехнулся Кречетов и тут же пригрозил: – Давай-ка, выкладывай все начистоту, иначе со станции и шагу не сделаешь.

– Это еще почему? – насупился археолог. – У меня открытый лист, на любые, подчеркиваю – *любые, археологические изыскания!* Документ подписан в Совете Безопасности Миров! Темы исследований и места раскопок мне позволено определять самому!

– Не знаю и знать не хочу, за какие рычаги ты дергал, чтобы добиться столь размытых формулировок, но имей в виду: авантюра я не допущу! Сам должен понимать, в Первом Мире любая неосторожность, – это гарантированные проблемы!

Дениэл обиделся:

– Андрей Сергеевич, совершать открытия, – моя работа, призвание, смысл жизни, наконец! – запальчиво воскликнул он. – Разве ты не рисковал, когда обнаружил систему Ожерелье?! Первый в истории прыжок с использованием вертикали, – разве это не авантюризм в чистом виде?

– Да, я рисковал, – на лицо Кречетова набежала тень неизгладимых воспоминаний. – Но давай сразу расставим акценты, – сухо добавил он. – Ты делаешь карьеру, стремишься во что бы то ни стало совершить очередное сенсационное открытие. А я отвечаю за безопасность Первого Мира, системы Ожерелье и всей Обитаемой Галактики. У нас разные

приоритеты, заметил? Укажи мне точку их соприкосновения, убеди, что твоя затея полезна и не приведет к фатальным последствиям!

– Ну, да, да, – сокрушенно покачал головой Дениэл. – Постоянно сталкиваюсь с таким вот отношением! Это несправедливо! Я нашел Логран в Рукаве Пустоты! Я...

– Не уходи от ответа, Райбек, давай говорить по существу, – прервал его Кречетов. – О твоих заслугах знаю, можешь не перечислять весь список. Просто ответь на вопрос: что, фрайг побери, происходит?! Тебя словно подменили! Ты уже месяц не вылезает из сети, все плановые исследования пустил побоку, а тут вдруг запрашиваешь срочную высадку, без указания цели и маршрута!

– Бывает. Забыл. – Дениэл заерзал в кресле. – Сейчас все исправлю, – он открыл электронную форму документа, быстро добавил данные. – Так устроит?

– Нет, – Кречетов даже не взглянул на координаты высадки, понимая, что Райбек поставил их наобум, лишь бы закрыть тему. – Если ты действительно что-то узнал о Смещении, то действовать спонтанно, без предварительного анализа вероятных последствий, без консультаций с логрианами, неразумно! – адмирал надавил и, как видно, попал в точку.

– Сколько можно оглядываться на логриан?! – раздраженно спросил Дениэл. – Их время прошло! Осталось лишь технологическое наследие, которым мы постепенно овладеваем! Сколько они скрыли от нас?! Сколько еще скрывают? Ну

посуди сам: когда Шейла Норман воссоздала Логрис, древние личности даже словом не обмолвились о существовании системы Ожерелье! – в интонациях Дениэла сквозила отчетливая неприязнь. – Они быстро сориентировались, сообразили, что в ту пору мы еще не умели использовать Вертикали в качестве безопасных гипертоннелей и решили промолчать!

Кречетов нахмурился, а Дениэл продолжал, все больше распаляясь:

– Мы разбили харамминов, уничтожили Квоту Бессмертных, освободили логриан от рабства, а их древним сущностям вернули единое информационное пространство Логриса! Чем же отплатили они?! – Райбека понесло. Он даже привстал, пылая возмущением. – Скажешь: поделились технологией логров? Но бессмертие-то на поверку оказалось липовым! Они постоянно ведут свою игру, и лишь сделанные нами открытия развязывают их лживые языки, заставляют делиться информацией! Ответь, сколько кораблей сорвалось на вертикали, сколько человеческих душ сгорело в аду Логриса, прежде чем мы изучили дарованные ими технологии, нашли в них изъяны, сделали собственные открытия, которыми попросту приперли логриан к стене, заставляя разговаривать с нами на равных?!

– Ну, и где ты заразился ксенофобией? – выслушав гневный монолог Дениэла, спросил адмирал Кречетов. Справедливости слов археолога он не отрицал. Логриане действительно многое утаивали, но именно в этом и заключался их

способ выживания. Древняя цивилизация всеми силами избегала вооруженных конфликтов, предпочитая технологическое господство, что, впрочем, не уберегло их в случае с хаммами.

Райбек резким движением переместил один из голографических инфомодулей, поерзал в кресле, устраиваясь поудобнее. Мысленная команда сформировала над бугристой столешницей панораму системы Ожерелье.

В центре объемного изображения пылал ослепительный сгусток энергии, по форме напоминающий миниатюрную копию галактического диска. Вокруг него по единой орбите обращались девять планет. Восемь из них опаленные, лишённые атмосфер, выглядели мрачно, и лишь Первый Мир сиял синевой, словно драгоценный камень в оправе из потемневшей меди.

Вне границ искусственно созданной системы царил абсолютный мрак. Здесь никогда не существовало материальных объектов, пока три миллиона лет назад логриане и инсекты не замыслили одиозный проект: совместными усилиями двух цивилизаций в недра гиперсферы были отправлены девять миров. На их основе планировалось создать глобальный транспортный узел, открыть возможность мгновенного доступа к любой из миллиардов звездных систем Галактики.

Реализации их замысла помешала миграция предтеч – загадочной формы космической протожизни. Плазмоиды, питающиеся материей, сметали все на своем пути – они уничто-

жали целые планетные системы. Под ударом не обладающих разумом орд пала Сфера – титаническое инженерное сооружение, построенное Единой Семейей инсектов вокруг родной звезды, погибла цивилизация дельфонов – удивительных существ, обитавших в водной среде. Общей участи не избежали и логриане. Они так же, как жалкие остатки Единой Семейи, были вынуждены бежать в границы шарового скопления О'Хара, где к тому времени правила цивилизация харамминов.

Логриане передали хозяевам скопления технологию «Бу-али». Устройства, искривляющие метрику пространства, скрыли звездное сообщество, благодаря чему миграция предтеч прошла стороной, оставив после себя печально известный Рукав Пустоты – пространство без звезд, где до сих пор блуждают обломки планет, хранящие следы исчезнувших цивилизаций.

Человечество, пребывавшее в ту далекую пору на уровне каменного века, прошло свой нелегкий путь к звездам, – от первых спутников планеты Земля до изобретения мобильного гиперпривода.

В эпоху Великого Исхода десятки тысяч колониальных транспортов покинули Солнечную систему. Судьба большинства из них неизвестна до сих пор. Многие корабли неуправляемо срывались на вертикали гиперсферы – их обломки покоятся сейчас на поверхности безвоздушных планет системы Ожерелье.

Две галактические войны, сотни освоенных звездных систем, три волны Экспансии, – прошло полтора тысячелетия космической эры, прежде чем люди достигли границ Рукава Пустоты, обнаружили полуразрушенную Сферу и шагнули дальше: прорвали вуаль логрианских устройств, открыв шаровое скопление О'Хара, где правили голубокожие гуманоиды из Квоты Бессмертных и влачили жалкое существование их рабы – далекие потомки великих цивилизаций логриан и инсектов.

Потрясения, открытия, войны, – события вдруг последовали одно за другим, тесно вплетая историю древнейших цивилизаций в нить судьбы человечества.

* * *

Райбек Дениэл был одним из немногих, кто подверг критике, а затем развенчал большинство мифов и заблуждений, скрывавших истинные факты истории развития цивилизаций древнего космоса.

Ему принадлежало авторство скандальных работ, вызвавших кризис в отношениях между цивилизациями. Исследования Дениэла представили логриан в невыгодном для них свете. Он стер образ миролюбивых, несчастных существ, показав их коварными и расчетливыми. В своих исследованиях он поставил ряд острых вопросов, многие из которых до сих пор остаются без ответа.

Сидящий напротив него адмирал Кречетов прекрасно знал, каково это – идти против системы, ломать устоявшиеся, удобные взгляды. Он открыл систему Ожерелье, осуществил первый управляемый прыжок с использованием вертикали, несколько лет командовал гарнизоном Первого Мира, а затем возглавил отдельный Флот Конфедерации, контролирующий пространство десятого энергоуровня гиперсферы.

Он помнил Райбека Дениэла молодым практикантом, а сейчас они выглядели ровесниками – таков парадокс системы Ожерелье. Время в глубинах гиперсферы течет иначе. Год в Первом Мире – это девять с половиной лет Обитаемой Галактики.

Глазом не успеешь моргнуть, а друзья постарели, да и события, происходящие в трехмерном космосе, сыплются, будто из рога изобилия.

– Давай все же поговорим спокойно, без фобий, – примирительно произнес адмирал. – Хочу понять, есть ли смысл плодить проблемы. Их и без того хватает с избытком. Расскажи, что тебя гложет? Зачем понадобилась срочная высадка в Первый Мир?

Райбек угрюмо молчал, хотя, зная адмирала, уже понял – от разговора не уйти. На миг во взгляде археолога промелькнул страх.

Взяв себя в руки, он коснулся голограммы. Девять планет системы Ожерелье вдруг синхронно изменили наклон оси, по их поверхности пробежали волны гравитационного удара.

Взгляд Кречетова стал холодным, колючим.

Процесс подвиги планет, смоделированный Райбеком, назывался «Смещением» и происходил каждые двенадцать лет по локальному времени системы Ожерелье, причиняя множество разрушений и бед.

Его регламент был установлен логрианами и нес известный практический смысл. Ровно на неделю пояса порталов – стационарных устройств, способных сформировать устойчивый гипертоннель, совмещались с определенными вертикалями гиперсферы. В период Смещения открывалась возможность моментального доступа к сотням тысяч звездных систем, причем связь устанавливалась двусторонняя.

Ровно через неделю процесс обращался вспять. Миры Ожерелья синхронно восстанавливали прежний наклон оси, порталы деактивировались – разрывалась связь между энергетическими потоками вертикалей и устройствами формирования пробоя метрики.

Поворот планет происходил под воздействием гравитационных генераторов, расположенных вне доступного людям пространства, – это все, что удалось узнать.

Адмирал ждал комментариев, но Дениэл все еще собирался с мыслями. На лице археолога отражалась непонятная внутренняя борьба: сомнения искажали его черты, и Кречетов отвел взгляд, предоставляя Райбеку еще немного времени.

Каждое Смещение сравнимо с неотвратимой запланиро-

ванной катастрофой. Разрушения от множества локальных землетрясений, уничтоженные коммуникации, гон – панический бег обезумевших животных, – все это блекло перед главной проблемой: в период работы порталов через них на просторы Первого Мира могли беспрепятственно проникнуть представители иных, неизвестных людям рас.

Эту опасность сложно приуменьшить. Три миллиона лет назад логриане проложили множество гиперсферных маршрутов. Они исследовали далекие звездные системы, оставляя доступ лишь к тем мирам, где встречали примитивные формы жизни, но с тех пор прошли эпохи, развились новые цивилизации.

«За примерами не надо далеко ходить, – размышлял Кречетов. – Три миллиона лет назад люди пребывали во тьме каменного века, и вот мы тут, на борту гиперсферных станций, в окружении эскадр боевых кораблей, – решительные, экспансивные, готовые осваивать новые пространства и защищать уже принадлежащий нам уголок обжитого космоса».

Думая так, он ни на миг не забывал, что на планетах, которые логриане посещали в далеком прошлом, также шла эволюция, развивались и прогрессировали различные формы жизни.

Пестрый конгломерат существ, населяющих Первый Мир, – это следствие бесчисленных Смещений и прямое доказательство мрачных предчувствий. Двусторонние гипертоннели потенциально опасны. «Нас горстка, – продолжал

размышлять он, – и мы бессильны предугадать, кто и с какими намерениями шагнет в Первый Мир при следующей активации глобальной транспортной системы».

На сегодняшний день существовало лишь одно обстоятельство, внушающее адмиралу долю осторожного оптимизма: в условиях десятого энергоуровня гиперсферы происходит мгновенный отказ техники и кибернетических систем, если они не защищены уникальными композитными материалами, для разработки которых потребовалось аккумулировать опыт полутора тысяч лет экспансии к звездам.

– На самом деле наши приоритеты совпадают, – хрипло произнес Дениэл, возвращая планеты в исходное положение, одной фразой пытаясь убить свои сомнения и подвести черту под затянувшейся паузой. – Что, если я смогу остановить Смещения? Или, по меньшей мере, найду устройство, контролирующее параметры подвижки планет?

– Райбек, не надо юлить! – Кречетова совершенно не устраивали размытые формулировки, особенно когда речь зашла о Смещении. – Знаю, ты никогда не сядешь играть без туза в рукаве. Так что выкладывай все начистоту, или я попросту выдворю тебя из системы Ожерелье! – пригрозил он.

Дениэл тяжело вздохнул. В глубине души он понимал обеспокоенность адмирала, да и себя знал, что уж греха таить.

– Ладно, – он встал, открыл сейф, извлек на свет какую-то поцарапанную слегка изогнутую пластину. – Вот, Андрей

Сергеевич, взгляни.

Кречетов внимательно осмотрел ничем не примечательную на первый взгляд находку.

Кусок панциря, какого-то существа. Скорее всего фрагмент хитинового экзоскелета. На фоне выцветшего органического материала он заметил тонкие линии, образующие полустертый рисунок.

«А вот это уже интересно!» – Кречетов задействовал импланты, сканировал изображение, произвел моментальный сравнительный поиск по базам данных, и невольно побледнел, получив результат, но, в отличие от Райбека, удержал эмоции под контролем.

На рисунке изображены цепочки логров! – с удивлением понял адмирал. Время стерло подробности изображения, но глубинное сканирование позволило восстановить утраченную детализацию, доказывая – сочетания точек и линий витиеватого узора отнюдь не случайны! Если воспользоваться расшифровкой известных к сегодняшнему дню символов логрианского языка, то на блеклой пластине в замысловатых изгибах и сплетениях логр-компонентов можно было прочесть подсказку, поясняющую их функциональное предназначение.

...смещение...

...выбор...

...функция...

...энергетический уровень...

...остановка...

Остальные части сложнейших узоров однозначной трактовке не поддавались.

– Анализ образца определил вещество, схожее с хитином, – волнуясь, Дениэл предвосхитил вопрос. – Возраст находки: сто семьдесят лет по локальному времени Ожерелья.

– Панцирь принадлежит инсекту? – Адмирал с трудом заставил себя отвести взгляд от рисунка.

– В том-то и дело, что нет! – воскликнул археолог. – В естественном виде хитины разных организмов лишь незначительно отличаются один от другого по составу и свойствам. – Он вдруг сорвался на пространное пояснение: – Но этот фрагмент экзоскелета обладает измененной формулой. У него обнаружена повышенная стойкость к кислотам, он прочнее и одновременно – пластичнее.

– Инсекты – признанные мастера генной инженерии, – напомнил адмирал, но, заметив, как насупился археолог, добавил: – Ладно, допустим, панцирь принадлежит неизвестному нам насекомоподобному существу. Где ты его нашел?

– В хранилище станции. Пару месяцев назад, когда исследовал и классифицировал предметы, доставленные полевыми группами.

– И ничего никому не сказал?! – Кречетов постучал пальцем по блеклому изображению. – Ты ведь должен был понять, что именно тут процарапано! Хотел сделать ошеломляющее открытие, присвоив себе все лавры?

– Была такая мысль, – виновато кивнул Дениэл. – Хотя, – он вскинул взгляд, – подобрать кусок панциря – дело нехитрое. А вот исследовать находку, верно истолковать ее значение – это и есть открытие!

– Так что же тебе помешало обнародовать результат? – спросил адмирал, подумав, что странности, замеченные в поведении Райбека, теперь уже не спишешь на присущую ему эксцентричность. Взять хотя бы круглосуточную работу выделенного канала гиперсферной частоты. Какого рода сенсацию он готовит, если для исследования потребовалось прокачивать огромные объемы данных?

– Почему даже мне ничего не сообщил? – настойчиво переспросил Кречетов.

– Решил сначала детально изучить находку, – признался Райбек. – В процессе выяснились некоторые сопутствующие обстоятельства, надо признать, спорные, но подтолкнувшие к дальнейшим исследованиям... – он вновь заговорил туманно.

– Начнем с рисунка, – перебил его Кречетов, возвращая разговор в прежнее русло. – Если я правильно понял, – он взял со стола фрагмент панциря, – здесь довольно точно изображены последовательности логр-компонентов, образующие некую систему управления. Знак, обозначающий «смещение», читается четко, но разве мы можем трактовать его однозначно? Здесь тысячи логров, сотни их комбинаций, значение которых неизвестно. Один или несколько симво-

лов, вырванные из контекста, ровным счетом ничего не доказывают!

– Не спору, но сам факт находки дает возможность надавить на логриан! Они утверждают, что система гравитационных генераторов полностью автоматизирована и внедрена в структуру вертикалей! Но при этом они «забыли» уточнить одну маленькую деталь – модуль управления, я в этом практически уверен, находится тут, в Первом Мире!

– Остынь! – осадил его адмирал, не желая идти на поводу у Райбека и делать поспешные выводы. Сначала надо во всем тщательно разобраться. – Лучше объясни, что это за дуга? – он указал на едва заметный фрагмент изображения. – И рядом, нечто похожее на плетку?

– Я тоже обратил внимание на нижнюю часть рисунка! – мгновенно воодушевился археолог. – Линии нечеткие, менее глубокие, словно процарапаны позже, нетвердой рукой и другим инструментом! Андрей Сергеевич, ты знаком с трудами профессора Холмогорова?

– Нет. Но знаю, что он занимался исследованием логоров на станции «Мантикора» и погиб, кажется, при атаке рейдеров?

– Не совсем так. За атакой стояли логриане. Они пытались остановить его исследования. Но речь сейчас, конечно, не об этом! – опомнился Дениэл, перехватив взгляд адмирала. – Пользуясь наработками Холмогорова, мне удалось идентифицировать дугообразный компонент и определить

его функцию!

– Ну и что же это такое?

– Модуль задержки исполнения командных последовательностей! – волнуясь, произнес Дениэл.

– А «плетка»? – заинтересованно спросил адмирал.

– Пока неясно. Такого сочетания логров не встречал никто... – Голос Райбека неожиданно сорвался.

«Почему же он так нервничает? – спросил себя Кречетов, не находя объяснения взвинченному состоянию археолога. – С практической точки зрения его открытие пока что бесполезно. Что нам даст фрагмент панциря с процарапанными на нем узорами? Логриан такими «доказательствами» не проймешь. Чтобы заставить древние личности прямо отвечать на заданные вопросы, куска выцветшего хитина недостаточно».

Он вновь взглянул на дугообразный элемент, пересчитал «узелки» – их оказалось пятнадцать. Неясна система отсчета времени. Часы? Минуты? Годы?

Внимательно рассматривая находку, Кречетов заметил еще одну особенность. Некоторые линии обрывались на ровном срезе! Здесь явно не хватало части изображения! Так что же получается? Таинственное существо вырезало узор на собственном теле? – он живо представил уложенные внахлест подвижные брюшные пластины природного хитинового панциря. Да, только так можно объяснить обрыв линий! Продолжение рисунка на следующем сегменте, который попросту не нашли, а может, и не искали.

Кречетов глубоко задумался. Его скепсис дал трещину. Адмирал, как никто другой, понимал: у обитателей Первого Мира есть лишь одна возможность правильно отобразить сложнейшие последовательности логр-компонентов, не допустив при этом явных ошибок и искажений: они должны рисовать с натуры! «Но тогда мне следует согласиться с Дениэлом, признать, что таинственное насекомоподобное существо действительно обнаружило систему управления Смещением?!»

Мысль на удивление быстро овладела сознанием, потребовалось усилие, чтобы отогнать ее. «Нет, без весомых доказательств к логрианам не подступишься, – одернул себя Кречетов. – Но что же задумал Райбек? Планировал высадиться в Первый Мир и попытаться найти загадочную систему? Поискать в том районе, где обнаружен фрагмент панциря? Да, вполне в его духе. И что бы он сделал в случае успеха? – Кречетов искоса взглянул на археолога, вновь заметил лихорадочный блеск в его усталых, глубоко запавших глазах. Так выглядит человек, доведенный до грани нервного срыва. Неужели его неприязнь к логрианам переросла в открытую ненависть? – Чем же ты одержим, Райбек? Жаждой невероятных, приносящих славу открытий или лютой ксенофобией? На что ты способен пойти, лишь бы насолить логрианам, уличить их в очередной лжи?»

Оставив при себе тяжелые сомнения, Кречетов вновь обратился к рисунку.

– Ну, хорошо, допустим, в прошлом произошло некое событие, запрограммированное...

– Нет. Вовсе нет! – с неожиданной, едва ли не фанатичной убежденностью прервал его Дениэл. – Событию только предстоит произойти! – воскликнул он.

– А ну-ка, поподробнее! Я не совсем понимаю, откуда у тебя взялась такая уверенность?

Дениэл максимально увеличил изображение, подключил модули обработки, и вскоре стало понятно: каждый «узелок» дугообразного элемента состоит из множества точек, образующих одну и ту же повторяющуюся конфигурацию, – они складывались в символ логрианского языка, обозначающий «Смещение!». Кто бы ни являлся автором рисунка, он отобразил все детали со скрупулезной, прямо-таки фотографической точностью!

– Хочешь сказать, система задержки оперирует количеством Смещений?!

– Да, да! Именно так! – срывающимся голосом воскликнул Райбек. Он откашлялся и добавил в ответ на недоуменный взгляд Кречетова: – Обрати внимание на возраст панцирной пластины! Ну, разве непонятно?! Этому фрагменту сто семьдесят лет! Рисунок был сделан четырнадцать Смещений тому назад! А на модуле задержки всего пятнадцать элементов! Мы на пороге какого-то события, понимаешь?! Надо действовать! Найти систему и выставить ее в положение «Отключено!» – палец Райбека выразительно черк-

нул по рисунку, отметив нужную командную последовательность. – Пока не стало слишком поздно... – уже тише добавил он.

– Да ты и впрямь рехнулся?! – не выдержав, вспыхнул адмирал. – Подвергнуть систему Ожерелье ничем не оправданному риску?!

– А в чем риск? – Дениэл порывисто привстал. – Контроль Смещения – это власть над древнейшими технологиями! – эмоционально воскликнул он. – Избавление от гравитационных ударов! Возможность заблокировать транспортную сеть и самим решать, какие из маршрутов активировать! Я, к счастью, не был свидетелем подвижки планет Ожерелья, но знаю: потери, разрушения неисчислимы, а открытия опасны и сомнительны, – они не стоят принесенных жертв!

В эти минуты Дениэл невольно подтвердил худшие опасения Кречетова. Взгляд его глубоко запавших глаз пылал. Он слишком эмоционально жестикулировал, даже попытался вскочить и расхаживать по тесному отсеку, но споткнулся, ушиб ногу об контейнер с недавними находками.

– Фрайг! Проклятье! – он схватился за спинку кресла. – Ну в чем риск, объясни?! – запальчиво переспросил археолог, потирая голень.

– Смещение происходит под воздействием той же силы, которая удерживает планеты Ожерелья на единой орбите! – резко ответил Кречетов. – Ответь, что произойдет, если мы грубо, неумело вмешаемся в работу гравитационных генера-

торов?! – он не на шутку разозлился. – Молчишь?! Потому что полез не в свое дело! Значит, так, – адмирал был непреклонен в принятом решении, понимая, сколько бед мог бы натворить Дениэл, оказавшись на поверхности Первого Мира. – Со станции без моего прямого разрешения ни шагу! Поиском гипотетической системы займуться боевые мнемоники. А ты возьми пару выходных, с людьми пообщайся, – уже спокойнее добавил он. – А то заперся тут, словно отшельник. Придешь в себя, тогда и поговорим!

Кречетов хотел встать и уйти, но Дениэл остановил его. – Еще минуту! – взмолился он.

Наступила неловкая пауза, которую неожиданно разрядил голос игрушечного ослика:

– Брейк, господа! Ваш кофе! – Позитив пробирался между различными артефактами, буксируя за собой небольшой поднос, оснащенный антигравитационным двигателем.

Дениэл вернулся в кресло, сел, обхватил голову руками. Казалось, его пожирает страх, которым Райбек не смел поделиться, предпочитая действовать сомнительными методами.

Кречетов взял чашку с кофе, сделал глоток, доброжелательно кивнув игрушечному ослику, чья мордашка прямо-таки лучилась оптимизмом.

– Давно он так? – шепотом спросил адмирал.

– Да пару недель уже, – тихо ответил синтезированный голос встроенного в игрушку искусственного интеллекта, и вдруг, поменяв интонацию, зловеще добавил нараспев: – И

в день, когда полуденное солнце вдруг погаснет за горизонтом, разверзнется озеро тьмы, открывая путь к центру всего сущего, но придут оттуда лишь лживые тени истинных творцов...

– Прекрати! – заорал Райбек, вскинув голову.

– Так, – адмирал поймал его взгляд, – ну-ка объясни, что это значит?

– Перевод одного из преданий, – упавшим голосом ответил Дениэл. – Амгахи верят: вскоре наступит конец времен.

– Звучит зловеще. Но это лишь эпос. А с тобой-то что происходит?! Ну? Только честно?

– Я еще не все рассказал, – выдавил Дениэл.

– Опять о рисунке? Считаешь, ему можно безоговорочно верить?

Пальцы Райбека заметно дрожали. Он дотянулся до голограммы, увеличил один из участков панциря, рядом открыл оперативное окно, вывел в него изображение двадцати логов, образующих непонятный знак.

– Это взято мной из файлов Холмогорова. Он идентифицировал символ как условное обозначение «пути к центру сущего».

Адмирал перевел взгляд на злополучный фрагмент панциря.

Одна из изображенных на нем командных последовательностей оканчивалась точно такой же конфигурацией из двадцати кристаллов.

«Путь к центру сущего?!» – простые, казалось бы, слова внезапно отдались дрожью. Кречетов хорошо умел держать неожиданные информационные удары, но сейчас на миг растерялся, отчетливо понимая потаенный, глубинный смысл произнесенной Дениэлом фразы.

«Да, но откуда он знает подтекст? – метнулась мысль. – Или теперь важнейшие государственные тайны Содружества доступны всем без разбора?!»

– Профессор Холмогоров лишь перевел символ логрианского языка, но он не подозревал, что значение командной последовательности надо воспринимать буквально, – глухо произнес Райбек. – В свое время мне довелось принять участие в судьбе Анвара Тагиева. Поэтому рисунку я верю. Безоговорочно. И эпос амгахов меня откровенно пугает!..

Точно! – Кречетов успел обратиться к имплантированной памяти, получить подтверждение: Райбек Дениэл действительно входит в узкий круг посвященных.

Взгляд невольно вернулся к дугообразному элементу.

«Изображение сделано четырнадцать Смещений тому назад. Значит, система отсчета сейчас в крайнем положении. Но что стало причиной задержки исполнения командных последовательностей?» – спросил себя Кречетов.

«Накопление необходимого количества энергии?» – наиболее логичный из ответов ознобом скользнул по шее адмирала к затылку.

Он встал, похлопал Райбека по плечу.

- Мой тебе совет: прими успокоительное. Выспись. А я пока кое-что проверю.
- Отправишься в Логрис?
- Может быть.
- Спроси у логриан, что еще они скрывают?
- Непременно, – пообещал Кречетов.

* * *

Оставшись один, Райбек Дениел долго сидел в тяжелой задумчивости.

В глубине души он был рад внезапному визиту адмирала и состоявшемуся разговору. Существуют открытия, бремя которых невыносимо для одного человека. Теперь Кречетов знает все, но станет ли он действовать решительно? Или начнет долгое самостоятельное расследование?

Неважно. Он предупрежден.

Райбек сделал глоток кофе и углубился в работу.

Вновь начался изнурительный поиск. Даже при поддержке автоматических систем анализа на долю Дениэла приходилась нечеловеческая нагрузка. Благодаря расширителю сознания он одновременно работал с двумя информационными потоками: изучал модели объектов, сравнивая их с реконструкцией загадочной аэрокосмической машины, и анализировал отчеты боевых мнемоников, которые периодически контактировали с ментальными полями Диких Семей

цивилизации инсектов.

Он искал подходящие аналогии, но не находил их.

Вне анклавов существ, обитающих в Первом Мире, нигде более не встречались легенды или предсказания, схожие по смыслу с эпосом амгахов. Среди миллионов изученных и классифицированных артефактов, найденных в пространстве Рукава Пустоты, на просторах обветшавшей Сферы или в границах шарового скопления О'Хара, не нашлось даже крошечного фрагмента, аналогичного панцирю таинственного существа.

«Итак, – Райбек откинулся на спинку кресла, закрыл глаза, но не отключился от сети, – в далеком прошлом проблема не вышла за пределы системы Ожерелье».

Он загрузил карту полушарий Первого Мира.

«Ответ здесь. Он скрыт в известных фактах истории, которые мы неверно истолковываем», – мысль археолога вновь и вновь возвращалась к единственному обнаруженному в ходе масштабного исследования совпадению: фрагмент панциря и конструктивный материал обшивки аэрокосмического истребителя неизвестной цивилизации были идентичны.

Обломки найдены в Первом Мире. На других планетах системы Ожерелье ничего подобного обнаружить не удалось.

«Простейшее объяснение, – мысленно рассуждал Дениэл, – существо проникло в пространство десятого энергоуровня гиперсферы в период Смещения, через один из тоннелей созданной логрианами сети. Возможно, это был

дерзкий исследователь, либо религиозный фанатик. История Первого Мира хранит упоминания о множестве подобных инцидентов», – Райбек стремился рассмотреть все варианты, прежде чем утвердиться в окончательном мнении.

Логриане, посещая иные звездные системы, оставили не только неизгладимый след в первобытных культурах, но и осязаемые доказательства своих визитов, – они отмечали места прохождения вертикалей при помощи мегалитов. Знаки, оставленные экспедициями, становились местами поклонения. По мере развития первобытных обществ зарождалась наука и интерес к «местам силы» возрастал, ведь многие из мегалитических сооружений продолжали демонстрировать активность: примерно один раз в сто двадцать лет (если пользоваться привычным для человека времяисчислением) среди грубо обработанных каменных столбов возникало сияние, открывая путь в иное измерение.

Неудивительно, что находились смельчаки от науки и фанатики от религии, кто решался шагнуть в неизведанное. В итоге большинство из них становились пленниками Первого Мира, – так формировалось пестрое население этой уникальной планеты.

Дениэл допил холодный кофе.

«Нестыковка, – подумал он. – Возраст фрагментов обшивки – двести восемьдесят пять лет по локальному времени Ожерелья. Панцирю с рисунком – сто семьдесят лет».

И, тем не менее, проведенное им глобальное исследование

позволило найти зацепку.

Известно, что логриане посещали Землю, заимствовали с прародины человечества многие экосистемы. Их визиты прекратились неожиданно, на рубеже тринадцатого века, и более не возобновлялись. Простой подсчет обнаружил совпадение дат. В последний раз логриане побывали на Земле двести восемьдесят девять лет тому назад, по локальному времени Ожерелья.

Райбек напряженно размышлял.

В его распоряжении были лишь скудные отчеты полевых групп. Боевые мнемоники Конфедерации преследовали далекие от науки цели. Изучение Первого Мира продвигалось крайне медленно. Здесь даже раскопок не проводилось, и виной тому – настороженное, а зачастую и откровенно враждебное отношение к людям. Тяжелое наследие, доставшееся от адмирала Земного Альянса Тиберия Надырова. Его эскадра неуправляемо сорвалась на вертикаль гиперсферы в период Первой Галактической войны. «В то время наши предки даже не подозревали о существовании других космических рас, – думал Дениэл. – Результат оказался плачевным. Крейсер «Тень Земли» потерпел крушение – он разбился на поверхности Первого Мира, а выжившие оказались в окружении пестрого конгломерата инопланетных существ».

Верх взяла ксенофобия. Люди, вырванные из огненного ада Галактической войны, не сумели, да и не пытались преодолеть семантический шок. Тиберий Надыров создал во-

енную организацию, взял под свой контроль уже существовавшие к тому времени человеческие поселения. Обломки крейсера стали его опорным пунктом, неким «Храмом Земли», откуда он начал завоевание Первого Мира. Храмовники – так окрестили беспощадных бойцов Тиберия, уничтожали на своем пути всех «инопланетных тварей». Некоторые их группы действуют и по сей день...

Мысли Райбека уклонились в сторону, и он одернул себя. Итак, датировки.

Ведя разведку местности, боевые мнемоники обнаружили немало древних городов, расположенных неподалеку от базы Конфедерации Солнц. Мобильные группы не вели глубоких целенаправленных исследований, но собирали всю доступную информацию, в том числе записывали непрерывные файлы сканирования.

Обработывая отчеты полевых групп, Райбек нашел показатели, на основе которых определил возраст отдельных построек и даже смог датировать время их разрушения!

Картина вырисовывалась следующая: большинство зданий и сооружений, простоявших тысячелетия, были превращены в руины двести восемьдесят пять лет назад!

В этот же короткий период, по преданиям амгахов, загадочно исчезли логриане, населявшие Первый Мир. О судьбе инсектов известно мало, лишь несколько источников утверждают, что разумные насекомые вымерли из-за внезапно-го резкого похолодания, вызванного необычайно мощным и

длительным Смещением.

«Куда исчезли логриане? Что такое «озеро тьмы»? Почему оно «откроется *вновь*»? – Райбек мысленно подчеркнул последнее слово.

Он понимал – ответы там, на поверхности Первого Мира. Его взгляд невольно вернулся к реконструкции необычной, покрытой органической броней аэрокосмической машины.

Двести восемьдесят пять лет назад этот истребитель преодолел две тысячи километров от равнины порталов до горной цитадели, что само по себе удивительно, ведь любая техника, не защищенная особыми экранирующими составами, в условиях системы Ожерелье отказывает мгновенно!

Нет, загадочный пилот не был дерзким исследователем-одиночкой или религиозным фанатиком.

Райбек попытался представить, как это могло происходить на самом деле. Воображение нарисовало ему мрачные, вызывающие дрожь картины. На миг он погрузился в сумерки Смещения, несущие лютый холод, – краешек светила едва выглядывал из-за горизонта, скупое освещая сотни обтекаемых бионических машин, лавиной движущихся со стороны равнины порталов в направлении неприступной горной цитадели логриан.

«Это было полномасштабное вторжение?!» – мысль пронзила, а неожиданная галлюцинация испугала до ледяной испарины.

Первый порыв – вызвать по связи Кречетова, сообщить о

только что сделанных выводах и предположениях – тут же угас.

Таинственный художник, запечатлевший систему управления Смещением, – это потомок существ, вторгшихся в Первый Мир?! Он искал путь назад, к родным звездам?

Райбек сник. Он предвидел реакцию адмирала на подобное утверждение.

«Ты сделал весьма спорные выводы на основании фрагмента панциря и неполного куска обшивки космического аппарата, который вполне может принадлежать инсектам?» – примерно так ответил бы Кречетов.

«Да, но великие открытия всегда начинаются с незначительных находок и смелых гипотез! – мысленно воскликнул Райбек, не замечая, что спорит с воображаемым оппонентом. – Мы полагали, что логриане и инсекты, населявшие Первый Мир, постепенно деградировали и вымерли. В нашем представлении их закат длился сотни тысяч лет, но это не так! До роковой даты они продолжали созидать биосферу, вели строительство городов и вдруг исчезли, словно по мановению злой силы! Я уверен, при тщательном изучении разрушенных городов, мы найдем множество фрагментов органической брони, и все они будут датированы тем роковым годом!»

Райбек нервно встал, огляделся, словно опасался увидеть призрак адмирала.

«Ты прав, Андрей Сергеевич, я никогда не сажусь играть

без туза в рукаве», – подумал он. Открыв сейф, Дениэл извлек оттуда еще один сегмент панциря с процарапанной на нем картой.

Сделав снимок изображения, он мысленно надиктовал Кречетову короткое сообщение, прикрепил к нему копию второго сегмента панциря и выставил задержку передачи отправления. Письмо попадет к адмиралу не ранее чем через трое суток.

«Я должен попасть на планету и отыскать древнюю систему!» – лихорадочно думал Райбек.

Сейчас им владела не жажда открытий. Он не думал о карьере. Не собирался в чем-то уличать логриан.

Взгляд невольно вернулся к символу, составленному из двадцати кристаллов.

«Путь к центру сущего!»

Подсознательно он испытывал страх. Однажды ему довелось заглянуть за завесу величайшей тайны древнего космоса, и он не выдержал, отпрянул, постарался забыть.

И вот, спустя много лет, неожиданная находка вернула давние чувства. Райбек хорошо знал психологию мнемоников и понимал – адмирал будет действовать осторожно. Слишком осторожно и взвешенно, – он не успеет предотвратить грядущее событие.

Глава 2

3896 год Галактического календаря.

*Зона средней звездной плотности шарового скопления
О'Хара...*

«Х-страйкер» падал навстречу незнакомой планете.

Плотные слои атмосферы уже объяли потерявший управление истребитель аурой пламени, два «Стилетто», преследовавшие его, отстали в зоне высоких орбит, и правильно, рисковать незачем, покалеченная машина уже никуда не денется, сгорит вместе с пилотом.

Никита не знал этой звездной системы. Пытаясь оторваться от боевых мнемоников Конфедерации, он несколько раз менял ведущие навигационные линии гиперсферы, но тщетно.

Система метаболической коррекции на миг привела его в чувство. Автоматика словно издевалась над человеком, позволяя ему осознать последние секунды короткой, но полной событий жизни.

Все чаяния, надежды, амбиции, – целая Вселенная сгорала вместе с ним.

Один за другим отказывали внешние датчики «Х-страйкера». Обшивка раскалялась, модуль автоматического пилотирования бессильно взмаргивал алым индикатором, – мнемоники взломали его, не оставляя диспейсеру шансов на спа-

сение.

Вот так падающей звездой сгорает жизнь.

Импланты сбоили. Расширитель сознания выплескивал в рассудок искаженные данные. Мысленный интерфейс управления отказал, приборные панели одна за другой выходили из строя.

Никита с детства не любил планеты. Считал их худшим местом в известной Вселенной, предпочитая искусственно созданную среду обитания, и вот, в насмешку над личными предпочтениями, его прах будет развеян в атмосфере неизвестного мира.

Абсолютное отчаяние овладело им.

Рука в гермоперчатке потянулась к пульту. Последнее осознанное усилие, последний вызов всему сущему.

Он совершил много безрассудных поступков, часто действовал на эмоциях, за что и поплатился, сначала карьерой во Флоте, а вот теперь и жизнью.

«Да к фрайгу! Поздно о чем-то сожалеть!...»

Рука дотянулась до панели ручного ввода команд. Дрожащие от напряжения пальцы с трудом попадали в нужные текстоглифы, запуская безумные, с точки зрения здравого смысла, последовательности команд.

Автопилот молчал.

Подсистемы безопасности не реагировали. Мнемоники постарались на славу, не оставили ему ни единого шанса, кроме одного, совершенно отчаянного: включить гиперпри-

вод.

Чем это чревато в условиях атмосферы, знает каждый. Даже если генераторы высокой частоты отработают адекватно, пилоту все равно не жить. Корабль совершит «слепой рывок», его вышвырнет в трехмерный континуум где-нибудь на задворках Вселенной, откуда и родных звезд-то не разглядишь. Вместе с истребителем пробой метрики захватит окружающую атмосферу; пространственно-временная аномалия превратит ее в плазму, и покалеченный «Х-страйкер» неизбежно сгорит в точке обратного перехода, на миг осветив неизведанный уголок космоса ярчайшей, подобной солнцу, вспышкой.

«Уже наплевать...»

Палец коснулся последнего текстоглифа.

Ослепительный мрак, пронизанный разрядами энергии, свернутый в тугую воронку, рванулся в гаснущие экраны обзора, стирая пламя.

Неизвестная точка пространства...

Веки дрогнули. Обметанные жаждой губы искривились. Выцветшие от боли глаза не воспринимали действительность.

Разбитое вдребезги сознание искрилось осколками воспоминаний и образов.

Резкая боль окончательно привела его в чувство. Внешние микрофоны скафандра работали, до слуха доносились

тяжелые удары, конструкция противоперегрузочного кресла передавала ощутимые вибрации.

Зрение медленно прояснялось. Вокруг проступил интерьер рубки управления «Х-страйкера», изрядно пострадавший, но узнаваемый. Некоторые приборные панели темнели оплавленными дырами, из них сочился дым.

Зеленый сигнал на ободке проекционного забрала говорил о герметичности бронескафандра.

«Где я, фрайг побери, оказался?!» – мысль пробудила новый всплеск обрывочных воспоминаний и образов.

Слепой рывок! Он вспомнил свой отчаянный поступок, навалившуюся тьму и несколько вспышечных впечатлений, таких, как сетка зеленоватых линий на экране масс-детектора, тревожное сияние алого индикатора, свидетельствующего о сбое всех полуавтоматических систем, словно корабль вмиг лишился энергии.

Активируя гиперпривод, Никита выбирал способ умереть, хотел хлопнуть дверью, не заботясь о последствиях, не рассчитывая на спасение, даже наоборот, подсознательно он страшился «благополучного» исхода.

Его взгляд вновь obeжал интерьер рубки. Большинство приборных панелей носили следы странных точечных возгораний, но некоторые уцелевшие подсистемы пытались перезагрузиться. О живучести машин класса «Х-страйкер» среди вольных пилотов корпоративной Окраины ходили легенды, и большинство из них не были выдумкой.

Одна из секций обзорного экрана на миг осветилась, показав непонятные сумеречные контуры, затем вдруг заискрилась, погасла.

Вибрации сменились на ритмичное монотонное покачивание, словно неведомый гигант приподнял искалеченный истребитель и теперь баюкал пилота, затем вдруг последовал глухой удар, сопровождаемый визгливым стоном рвущегося и деформирующегося металла.

На секунду сознание вновь погасло, а когда оно вернулось, Никита услышал частое пощелкивание, ощутил прикосновение тонких металлических лапок к своей шее, – щекотливая дрожь метнулась наискось, пробежала мурашками к затылку, – это автоматика скафандра задействовала последний резерв, выпустила автономные модули поддержания жизни. Микросервы находили места ушибов, вводили обезболивающие и стимулирующие препараты, способные и умирающего поднять на ноги.

Никита не хотел такого вмешательства, понимая: сейчас его истребитель дрейфует в глубоком космосе, в сотнях, а может, и тысячах световых лет от границ Обитаемой Галактики, но ничего не мог предпринять. Мысленный интерфейс управления не работал, ни один из кибермодулей имплантов не реагировал на мнемонические команды. Тело словно свинцом налилось. Он ощущал себя заживо замурованным в лишенном энергии бронескафандре, – полулежал в пилотажном кресле, внимая шоковым ощущениям, не в силах кон-

тролировать события.

Покачивание прекратилось, глухой удар встряхнул «Х-страйкер».

Раздался визг, быстро сменившийся скрежетом.

Кто-то вскрывает обшивку?!

Неопределенность бесила, она воспринималась острее, чем боль. Естественно, в голову не приходило ничего хорошего. Мысль о спасателях казалась абсурдной. Выжить при «слепом рывке» – один шанс на миллион, а вот выйти из гиперсферы в границах освоенной звездной системы, – это уже из области невероятного! Хотя при сетевом общении мнения высказывались разные. В качестве примера приводились колониальные транспорты эпохи Великого Исхода. Дескать, они совершали слепые рывки, и ничего, – потерянные колонии находим до сих пор, в самых разных, порой удаленных на сотни световых лет от Земли звездных системах.

Разорванные мысли неслись по кругу.

Ага. Сравнили, колониальный транспорт эпохи Исхода и современный истребитель! Мощности гиперпривода «Х-страйкера» хватит, чтобы, не покидая гиперсферы, сменить с десятков навигационных линий!

«Не о том думаю...»

Боль постепенно таяла, отступала, освобождая измученный рассудок, – сказывалось действие введенных препаратов. Скрежет возобновился, и в голову приходил только один вариант: корпус истребителя вскрывают инопланетные су-

щества. Иного объяснения нет, но от этого тошно и страшно до озноба.

Никита притих в ожидании худшего. Энергия в накопителях бронескафандра по нулям, иначе сервоусилители мускулатуры давно бы отреагировали на его слабые попытки дотянуться до оружия. Это обстоятельство не находило разумного объяснения, впрочем, и многое другое – тоже.

Лязг и скрежет неожиданно стихли и больше не повторялись.

«Что, не по зубам оказалась обшивка?» – промелькнула злорадная мысль.

Он с трудом нашел в себе силы пошевелить рукой. Груз брони давил, не позволяя встать, и это опровергало промелькнувшую недавно мысль. «Х-страйкер» не дрейфует в космосе. Гравитация недвусмысленно давала знать о себе, значит, я на планете?!

«Надо выбирать...» – после нескольких неудачных попыток он все же дотянулся до удобно расположенной заслонки, сдвинул ее, открывая смонтированную рядом с пилотажным креслом нишу, где под надежной экранировкой хранился аварийный комплект.

Диспейсеры, чей удел исследование звездных систем, находящихся за границами обитаемого космоса, трепетно относятся к своим машинам. Любой корабль, неважно, к какому классу он принадлежит, перебран до винтика, полностью переоборудован, в соответствии с рискованными задачами,

которые ставят перед собой вольные пилоты Окраины.

Движением указательного пальца Никита выщелкнул из гнезд две заряженные энергоячейки, скрипя зубами от натуги, сменил элементы питания бронескафандра.

На это ушли все силы. Еще бы. Полтора центнера брони! Без поддержки сервоусилителей – непомерный груз, способный заживо похоронить нерадивого пилота, допустившего полный разряд накопителей.

Капельки пота выступили на лбу. Действуя на ощупь, он коснулся сочетания кнопок, вручную перезапустил подсистемы экипировки.

Сервомоторы заработали с едва слышным шелестом, – каждый механизм был отлажен Никитой и содержался им в полной исправности.

На смену гнетущему давлению наконец-то пришла свобода движений. Включились датчики бронескафандра, и лишь импланты по-прежнему выдавали отчет об ошибках.

Не считая задымления, анализаторы показывали нормальный состав атмосферы в рубке, но снять гермошлем, проверить, надежно ли сидят кибермодули в гнездах, он не решился. «Сначала надо понять, где я оказался», – тревожные мысли не отпускали ни на миг.

Он расстегнул страховочные ремни, встал, внимательно осмотрелся, стараясь действовать без суеты.

Основной шлюз не работает. Из-за деформаций корпуса заклинило его внутренний люк. Никита протиснулся в тес-

ное пространство за пилотажным креслом, где располагался аварийный выход.

Догадка подтвердилась. Снаружи присутствовала атмосфера! Специальный клапан, стравливающий воздух из рубки, предотвращающий взрывную декомпрессию, не сработал! С шелестом открылась диафрагма, через нее выдвинулся зонд.

Давление в норме... Световые столбики газоанализаторов дрогнули в зеленой зоне.

Включились дополнительные датчики. Вокруг сканировались нагромождения деформированного металла, словно «Х-страйкер» угодил в недра одного из печально известных кладбищ космической техники, дрейфующих в космосе со времен битв Первой Галактической войны.

Нет. Не вариант. Гравитация и наличие атмосферы ясно указывали, что «Х-страйкер» потерпел крушение на планете!

* * *

Через некоторое время Никита, соблюдая все меры предосторожности, выбрался наружу.

От неловкого движения вниз по крутому склону покатались мелкие камушки. Где-то внизу звякнул металл.

Он замер. Густые подкрашенные темно-сиреневыми тонами сумерки скрадывали очертания предметов, импланты по-

прежнему не работали, БСК² по непонятной причине ушел в перезагрузку, как только он выбрался наружу.

Тревожные звуки окружили его, царапнули по нервам. Он услышал тонкое подвывание ветра, перестук падающих камней, монотонный повторяющийся скрежет.

Зрение постепенно адаптировалось, и вскоре Никита смог различить некоторые детали ландшафта.

Корпус «Х-страйкера» застрял между выветренными выступами скал. Ниже из тьмы ущелья выступали покатые очертания надстроек колониального транспорта времен Великого Исхода.

«Ну ничего себе!» – Никита был потрясен. Еще не вполне придя в себя после слепого рывка, он испытал еще один шок. Вместо неизбежной гибели он оказался на планете, где потерпел крушение древний колониальный транспорт! О такой удаче многие диспейсеры тщетно мечтают всю жизнь!

Он поднял голову, взглянул в небеса неведомого мира.

Не видно ни зги... Тонкая, изломанная, темно-фиолетовая полоса едва проглядывала на недостижимой высоте.

Что же делать? Без расширителя сознания в такой тьме оступиться и сорваться в пропасть – раз плюнуть! Да и скафандры скафандра как назло не работают, хотя причин для отказа вроде бы нет!

Пришлось принять рискованное решение. Никита разгер-

² БСК – боевой сканирующий комплекс. Как правило, смонтирован в гермошлеме бронескафандра.

метизировал шлем, снял его, вынул заглушки имплантов, извлек и переустановил кибернетические модули.

На мгновение рассудок помутился, затем ясность мышления вернулась.

Имплантированные датчики включились в работу! Перед мысленным взором тут же появилось множество недоступных ранее подробностей окружающего.

Реактор древнего колониального транспорта обозначился в глубине ущелья, в виде нечеткой, тлеющей сигнатуры. Два затухающих энергетических поля да контур резво спускающегося по отвесным скалам серва прояснили некоторые подробности крушения.

Видимо, аварийные подсистемы колониального транспорта еще функционировали. Они и спасли Никиту от верной гибели, подхватили истребитель почти у самой земли, замедлили падение при помощи примитивного, но мощного энергетического демпфера. Мгновенно и остро вспомнилось баюкающее покачивание. Значит, скрежет по обшивке был попыткой одного из сервов проникнуть внутрь, оказать помощь пилоту? Но что же заставило механизм отступить?

Острое, подсознательное чувство таящейся поблизости опасности вернулось с новой силой. Дрожь охватила его. Взгляд вверх, на изувеченный корпус «Х-страйкера», мужества не добавил. Корабль вряд ли удастся восстановить.

«Но я выжил! – мысленно твердил Никита, пытаюсь унять запоздалую реакцию нервной системы на стрессовые собы-

тия. – Отыскать планету, пригодную для жизни, разве это не подарок судьбы?!» – он озирался по сторонам, внимал показаниям расширителя сознания. Над темной кромкой скал покачивались ветки кустарника. Где-то в отдалении слышался шум падающей воды. Ни огонька, ни проблеска света. Лишь в глубине ущелья по-прежнему тлела энергоматрица реактора древнего корабля.

Он снова взглянул на «Х-страйкер». Корабль давно стал частью его рассудка, души и тела. Прямая связь двух систем – нервной и кибернетической – была практически неразрывной, и сейчас ощущение невосполнимой утраты захлестнуло горечью.

Никита присел на небольшой выступ скалы.

«Выжил...» – мысль окатила запоздалым жаром. Действие боевых стимуляторов сглаживало некоторые эмоциональные пики, помогало сохранить здравомыслие, но становилось ли легче?

Положение выглядело незавидным. «Истребитель разбит. Где я оказался, неизвестно. Нет. Не все так плохо! – он порывисто встал. – Нужно осмотреть колониальный транспорт. Его узлы и механизмы можно приспособить для ремонта «Х-страйкера!»

Разумнее всего было бы дождаться рассвета, но когда он наступит? И вообще, при нормальной работе имплантов чем я рискую? Стоит ли терять время? – Никита закрепил страховочный фал за выступ изуродованной обшивки истреби-

теля, подергал его, проверяя надежность страховки.

Его лихорадило все сильнее. Перенасыщенный адреналином организм требовал действий, и Никита начал спуск во тьму ущелья, туда, где вздымались деформированные при крушении надстройки древнего корабля.

* * *

Жизнь диспейсера полна превратностей.

Многие вольные пилоты Корпоративной Окраины однажды решаются встать на этот рискованный путь, но в первых операциях за границами исследованного космоса выживает один из тысячи, – так говорит статистика.

Нотки авантюризма, навыки экстремального пилотирования, избыточная имплантация, – факторы обязательные, но отнюдь не решающие. Характер и мастерство настоящего диспейсера выковываются постепенно, на протяжении многих лет. Принято считать, что они абсолютно асоциальны, пренебрегают законами, преследуют лишь личную выгоду, не чураются подзаработать грязными делишками, но все перечисленное скорее относится к многочисленной когорте рейдеров, промысляющих разбоем на гиперсферных трассах, и к старателям, орудующим в Рукаве Пустоты, – пространстве без звезд, отделяющем шаровое скопление О'Хара от пограничных систем освоенного человечеством космоса.

Настоящий диспейсер не станет грабить космические ко-

рабли, – он исследователь, не лишенный романтизма. Путь пилотов-одиночек предполагает десятки, а то и сотни «слепых рывков» – смертельный серфинг по сети немаркированных линий гиперсферы, в поисках пригодных для жизни, но еще не освоенных планет, которые – главная ценность современного космоса.

Дальний Поиск меняет характер человека. Если ты бросил вызов космосу и выжил в отрыве от цивилизации, то, возвращаясь, начинаешь иначе смотреть на многие ситуации. Главная ценность, которой обладает настоящий диспейсер, – это ничем не ограниченная свобода.

Однако, какие бы идеалы ни таились в глубине души Никиты, жизнь до последнего времени безжалостно перечеркивала их. Да, он громко именовал себя «диспейсером», но, увы, пока что в его активе значились лишь короткие вылазки в Рукав Пустоты да криминальные поступки. Чтобы воплотить мечту, он был вынужден на протяжении ряда лет заниматься контрабандой, постепенно копить средства на переоснащение старенького «Х-страйкера». Никита только планировал свой первый самостоятельный Дальний Поиск, мечтал о нем, совершая пробные вылеты, отлаживая системы модернизированного собственными руками истребителя, когда на одной из гиперсферных трасс его настигло возмездие за многие совершенные в недавнем прошлом поступки.

Грузовой отсек древнего корабля наполовину заполнял оползень. Среди угловатых камней и щебня виднелись разбитые контейнеры. Их содержимое исчезло, и это стало первым признаком, свидетельствующим, что люди, покинувшие Землю в поисках новой родины, обрели ее.

Настроение Никиты постепенно улучшилось.

«Вот я и стал настоящим диспейсером», — мысль щекотала самолюбие, а все проблемы отступали на второй план.

Рискованный спуск по отвесным скалам, таинственные недра древнего корабля, возможность совершить потрясающие открытия, выйти победителем из смертельной передраги, — разве не об этом он втайне мечтал?

«Куда бы ни занесло меня прихотью гиперсферы, путь назад, к обитаемым мирам, обязательно отыщется, — думал он. Обнаруженный колониальный транспорт эпохи Великого Исхода вселял такую надежду. — Наверняка в ясную ночь я без труда замечу в небесах шаровое скопление О'Хара».

У Никиты были и другие, вполне весомые поводы для оптимизма. Даже если не удастся отремонтировать «Х-страйкер», то в качестве запасного варианта можно использовать основной модуль древнего корабля. Отделяемый сегмент, оснащенный собственным гиперприводом, по современным меркам, был устройством примитивным, но надежным в сво-

ей простоте. Опытному пилоту не составит труда управлять им.

Мечты и амбиции, так долго томившиеся в клетке жизненных обстоятельств, вырвались на свободу.

«Планета обладает пригодной для жизни биосферой, – мысленно рассуждал Никита. На всем протяжении пути он вел непрерывную запись файла сканирования. Расширитель сознания постоянно обрабатывал данные, полученные от датчиков, и накопленных сведений уже было достаточно для уверенного вывода. – Теперь остается отыскать основной модуль колониального транспорта, выяснить судьбу поселенцев, обнаружить надежные звездные ориентиры, и, – сердце глухо стукнуло в груди, – моя жизнь наконец изменится!»

Из разрушенного отсека вел только один путь. Грузовой шлюз поглотила осыпь, пробоина, через которую он спустился, теперь виднелась на высоте пяти метров, но в толще переборок уверенно сканировался технический коридор, предназначенный для перемещения сервов, и Никита, не колеблясь, направился к нему. Диафрагменный люк оказался открыт, связки кабелей сорваны со стен. «Странное отношение к бесценным в условиях становления колонии материалам, – подумалось ему. – Зачем кто-то вырвал энерговоды из креплений, а затем просто бросил их, словно ненужный хлам?»

Пробираться в бронескафандре по теснине служебных коммуникаций было крайне неудобно, и метров через десять, заметив очередной технологический люк, он вскрыл

его, используя сервоусилители мускулатуры, прыгнул в нормальный, приспособленный под человеческий рост коридор палубы и замер.

Вдали, у перекрестка тоннелей, теплился неяркий источник света. Датчики едва уловили слабый термальный всплеск.

«Странно... Что бы это могло быть?» – он выхватил из набедренного крепления импульсную «Гюрзу», пошел в направлении тусклого сияния, пока взгляду не предстала неожиданная зловещая картина: на полу, опираясь спиной о переборку, сидел андроид. Подле него полукругом были расставлены грубо изготовленные плоски, наполненные жиром, с плавающими в них фитилями. Робкие язычки пламени скупо освещали ограниченное пространство, играли бликами на неподвижных чертах металлопластикового лица, искрились на деталях эндоостова, с которого были сорваны кожухи.

Взгляд Никиты скользнул по сплетению сервоприводов. Толстый отрезок арматуры, длиною в метр, резко выделялся среди поблескивающих деталей. Кто-то пригвоздил андроида к стене ударом поистине нечеловеческой силы!

Никита бегло осмотрелся, но никого не заметил. Тогда он присел на корточки, изучая место зловещего происшествия.

Кто бы ни расставил плоски с жиром, он побывал тут недавно. Ни один фитиль еще не погас. Вонючая жидкость до краев наполняла грубо изготовленные светильники, а вот

заточенный металлический прут, пронзивший ядро системы андроида, успел порядком проржаветь.

«Странная находка. Признак деградации, потери знаний, возникновения какого-то мистического культа среди потомков колонистов? – спросил себя Никита. – Удар нанесен точно, беспощадно, с силой, не характерной для человека. Даже я, используя сервомускулы, не смог бы пробить насквозь сферу, изготовленную из бронепластика!»

Обстановка подсознательно давила на нервы. Он постоянно сканировал прилегающие к коридору отсеки, но безрезультатно. Колониальный транспорт выглядел покинутым. За переборками в ангарах удалось различить лишь смутные очертания планетообразующих машин.

Непонятна судьба колонистов. Тяжелая техника осталась на грузовых палубах. Скверный признак. Надо бы осмотреть крионические капсулы, расставить точки на «i», – дух исследователя взял верх над глупыми иррациональными страхами.

«Кого мне опасаться? Людей, позабывших, что такое технологии?» – спросил себя он.

* * *

Ближайшая шахта межпалубного лифта позволила Никите без особых препятствий подняться на пятьдесят метров выше, до уровня криогенных залов. «Андромеда» – назва-

ние колониального транспорта он узнал, изучив маркировку андроида, – разбилась о скалы при аварийной посадке. Обшивка корабля серьезно пострадала. Он видел пробоины в бортах, смятые, будто фольга, переборки, покрытые коррозией металлические части конструкций, – они просели, формируя шаткое, ненадежное пространство.

Осмотр криокапсул встревожил. Большинство устройств носило следы варварского разрушения. Человеческих останков Никита не заметил, но нашел глубокие следы когтей на прочном композитном материале.

По-прежнему неясно, покинули люди борт колониального транспорта или какие-то хищные твари, представляющие фауну незнакомого мира, на протяжении долгого времени находили тут пропитание, вскрывая криокапсулы и пожирая колонистов?

Тревожные мысли теснились в голове, и он пошел дальше, осматривая отсек за отсеком, перебираясь через баррикады рухнувших металлоконструкций, пока не заметил очередной разлом в корпусе.

От деформированной, лопнувшей обшивки к расположенному на одном уровне с пробоиной плоскому скальному выступу были перекинуты шаткие, ненадежные мостки.

Сканирование выявило узкую извилистую тропу, уводящую выше.

«Значит, люди все же спаслись? Не все, но многие? Почему же они не вернулись за тяжелой планетопреобразующей

техникой? И кто пригвоздил андроида к стене?»

Пока он размышлял, из глубин древнего корабля послышались настораживающие звуки: раздался топот, сопровождаемый ощутимыми вибрациями обветшавших от времени конструкций.

Для человека – слишком тяжелая поступь.

Никита с нескрываемым сомнением бросил беглый взгляд на ненадежные мостки, перекинутые через ущелье. Моего веса они явно не выдержат!..

А топот приближался! К нему вдруг добавились царапающие звуки, – кто-то быстро карабкался по шахте межпалубного лифта, а в следующий миг он заметил силуэты высоких коренастых существ. Похожие на двухметровых горилл, они передвигались стремительно, временами опираясь на длинные руки.

Внезапно раздался резкий звук рассекаемого воздуха. Стальной прут сантиметров трех в диаметре с треском пробил неработающий терминал, прошел насквозь, ударил в плечевую бронепластину скафандра.

Термальные всплески множились, окружали. Агрессивные намерения существ уже не оставляли никаких сомнений, – еще два заточенных обрезка арматуры вонзились в переборку, глухо завибрировали.

Никита отступил к пробоине, не спеша открывать ответный огонь. Интегрированные системы вооружений бронескафандра несомненно порвут тварей в клочья, но он уже

проникся мыслью, что эта планета – его шанс, а значит, действовать придется крайне осторожно.

Существа, напавшие на него, находились на стадии первобытного развития. Неприятная неожиданность серьезно усложнила задачу, поставила перед трудным выбором: в очередной раз нарушить законы Обитаемой Галактики или пойти по пути наибольшего сопротивления? «Расширитель сознания ведет непрерывную запись данных. Позже из нее не купируешь фрагменты. Ржавые заточенные прутья способны лишь оцарапать бронескафандр, и ответный огонь на поражение перечеркнет мое право на открытие! Надо их отпугнуть!» – он вскинул правую руку, выстрелил двумя светошумовыми зарядами.

Ослепительные вспышки вызвали рев боли и ярости.

Внеся замешательство в ряды противника, Никита бросился прочь, проскользнул в пробоину, но не решился пробежать по мосткам. Используя сервоусилители скафандра, он ухватился за край выступающей бронеплиты, подтянулся, вскарабкался наверх и со всех ног рванул по участку обшивки к ближайшей надстройке, заскочил внутрь и затаился, полагая, что полностью дезориентированные твари не станут его преследовать.

Тяжело и прерывисто дыша, Никита присел. Ну надо же! Планета преподносила сюрприз за сюрпризом. Бегло просмотрев записанные данные, он понял, что поступил правильно. Не по доброте душевной, а чисто из практических

соображений. Многие детали, не замеченные в момент внезапного столкновения, теперь удалось рассмотреть в подробностях. Оказывается, гориллоподобные существа носили примитивную экипировку, состоящую из грубо выделанных кожаных ремней!

«Потрясающе! Если сделать еще несколько документальных записей, то по возвращении можно обратиться в Элианский институт истории и археологии космоса. За такое открытие и проявленное благоразумие мне не только простят все прошлые грехи, но и восстановят в гражданстве Конфедерации Солнца, а это, в свою очередь, – право на бессмертие!» – Просто голова шла кругом...

Цепочка рассуждений на поверку оказалась далеко не безупречной. Между радужными мечтами и грубой реальностью лежала пропасть. Он едва успел отдышаться, когда по нему вновь открыли стрельбу, на этот раз при помощи каких-то приспособлений.

«Да фрайг вас всех побери!» – мысленно выругался Никита.

С десятков заточенных штырей со звоном отскочили от обшивки надстройки. Он произвел мгновенное сканирование и снова выругался. Оказывается, существа действовали двумя группами! Одни проникли на борт колониального транспорта, а другие остались в засаде, контролировали местность, затаившись среди скал, и прекрасно видели, куда скрылась «добыча»!

«Только без паники». – Не покидая укрытия, он при помощи имплантированных датчиков обнаружил позиции стрелков, детализировал изображение одного из них, выделил и увеличил сформированную расширителем сознания модель оружия, выполненного по схеме арбалета.

«Ничего страшного, – рассудил Никита, мысленно прикинув пробивную способность заточенных металлических «болтов». – Отсижусь. Они рано или поздно проголодаются и уберутся».

* * *

Короткое злобное рычание, лязг металла, царапанье и гортанные односложные выкрики теперь доносились со всех сторон. Гориллоподобные существа явно не собирались отступать, они окружили диспейсера, действуя отнюдь не под напором звериной ярости. Не решаясь броситься на штурм надстройки (видимо, взрывы светозвуковых гранат внушили им страх), первобытные охотники все плотнее сжимали кольцо. Они передвигались короткими стремительными перебежками, использовали укрытия, быстро и ловко карабкались по скалам, некоторые перепрыгивали на обшивку древнего корабля. Теперь стали отчетливо видны их экипировка и вооружение. Почти все имели массивные арбалеты, с которыми управлялись сноровисто, без видимых усилий. Изрядный запас металлических «болтов» крепился посредством

кожаных ремней, черная лоснящаяся шерсть была разукрашена полосами и пятнами явно не природного происхождения.

Врагов становилось все больше, и Никита понял: дела плохи. Теперь из надстройки без боя не вырваться. Доступа внутрь колониального транспорта нет. Как назло он умудрился выбрать в качестве укрытия внешний технический отсек, не входящий в общую систему корабельных коммуникаций. Здесь хранились инструменты, предназначенные для работ в открытом космосе.

Тем временем гортанные выкрики стихли. Внезапно наступила вязкая, настороженная тишина.

Никита занервничал. «Сейчас они ринутся на штурм?!»

Расширитель сознания формировал в его рассудке полноценную модель окружающего. Тьма, царящая в ущелье, выступы скал и чахлый кустарник не служили помехой для работы имплантированных датчиков. На фоне холодного камня и стылого керамлита обшивки тепловые сигнатуры читались вполне отчетливо. Вот двое существ изготовились к стрельбе, остальные притихли, затаились.

«Чего же они ждут?!»

Тихо прошелестел приводами встроенный в скафандр стрелковый комплекс, закрепленный от локтя до запястья правой руки. Никита не понимал происходящего, он начал терять терпение, решив: дам очередь по скалам, может, они все-таки испугаются, разбегутся?

Осуществить задуманное ему не удалось. Переместившись к разлому между двумя бронеплитами, диспейсер внешне заметил две тусклые энергетические матрицы, появившиеся выше по склону.

Он мгновенно сосредоточил внимание в том направлении, но не поверил абсурдным показаниям датчиков и машинально переключил способы восприятия, благо импровизированная бойница позволяла использовать мощную оптическую систему экипировки.

По тропе, выходящей между скал, неторопливо двигались двое гориллоподобных существ. Внешне они отличались от своих сородичей только боевой раскраской. Их шерсть была густо испятнана каким-то флюоресцирующим веществом. Гордая осанка и медлительные движения, наверное, являлись частью какого-то ритуала. В сложенных лодочкой ладонях они несли сгустки пламени.

«Ну и что? – мысленно спросил себя Никита. – Светящееся вещество в плошках или какое-то местное флуоресцентное растение, а возможно, гриб»...

Проблему двойственного восприятия порождал расширитель сознания. Связанные с ним датчики фиксировали энергетические матрицы, одновременно утверждая: в руках существ нет никаких материальных предметов!

Но что в таком случае является источником сигнатур?! Или я вижу иллюзию, порожденную сбоем в кибермодулях?

Пока он медлил, существа достигли позиции стрелков, и

вдруг сияние с их ладоней плавно перетекло на арбалетные болты!

«Полнейший абсурд!»

В мистические явления Никита не верил и потому наблюдал за процессом со скептическим любопытством, пытаясь понять, в чем все-таки фокус?

Звонко лязгнули примитивные метательные устройства. Два облитых холодным пламенем арбалетных болта прочертили короткие дуги, ударили в обшивку надстройки, прожгли ее, словно лист картона, и взорвались внутри замкнутого пространства.

* * *

Никита нередко попадал в смертельные передраги, хотя в глубине души был человеком неконфликтным. При возможности он избегал силовых решений, за что снискал довольно сомнительную репутацию у вольных пилотов Окраины. Те никогда не чурались грубого выяснения отношений, от тривиальных драк до аэрокосмических дуэлей.

Однако, когда опасность грозит смертельная, верх неизбежно берут инстинкты. После взрыва двух налитых энергией арбалетных болтов весь дутый гуманизм, основанный на осознании своего тотального технологического превосходства, улетучился вмиг. Им овладела вполне понятная злость: на проекционном забрале гермошлема появи-

лись схемы повреждений, сизый дымок от сгоревших компонентов бронескафандра просочился сквозь размягченные температурой уплотнители.

Схожие повреждения способен нанести выстрел из плазмогенератора, но не ржавая железка! «Хотя еще один такой «фокус», и от меня останется только пепел!»

Расширитель сознания четко фиксировал позиции стрелков, но новых энергетических всплесков Никита не заметил.

Выскочив из ставшего ненадежным укрытия, он дал очередь не целясь, наугад.

По скалам метнулась цепочка разрывов, раздался грохот обвала, а он, воспользовавшись вызванным замешательством, рванул прочь, двигаясь уже знакомым маршрутом к узкому разлому в корпусе корабля, от которого через пропасть были перекинuty шаткие и ржавые металлические конструкции.

Вслед с лязгом разрядились арбалеты. Куски заточенной арматуры со звоном отскакивали от скафандра. Не обращая внимания на обстрел, угрожающий вой и злобное рычание, он добежал до пробоины, спрыгнул вниз на узкий козырек и ринулся дальше, – по ненадежным мосткам, к тропе, ведущей в горы.

Сейчас он хотел только одного – убраться как можно дальше, чтобы получить возможность отдышаться, осмотреть повреждения экипировки и принять какое-то здоровое решение по поводу своих дальнейших действий.

Никита бежал что есть сил, но и преследователи не отставали. Эти существа обладали феноменальной ловкостью. Карабкаясь по утесам, они вновь и вновь появлялись на пути, обстреливали его, пару раз пытались спрыгнуть, сойтись в рукопашной, и тогда приходилось отпугивать их, огрызаясь короткими очередями.

Небо у горизонта стремительно светлело. Заря зародилась пронзительными фиолетовыми красками, а вскоре из-за гор появился ослепительный краешек местного солнца.

Никита повидал немало рассветов на разных планетах, но такой звезды ему не доводилось встречать в своих странствиях. Не диск, а нечто размытое, похожее на яркое веретенообразное пятно, окруженное слепящей аурой, озарило склоны.

«Наверное, какой-то необычный атмосферный эффект», – мельком подумал он, переходя на быстрый шаг. Похоже, преследовавшие его твари понемногу начали отставать, их тепловые сигналы потускнели, а затем и вовсе исчезли.

Никита проломился сквозь колючий кустарник и оказался на небольшой поляне, заросшей густым, достигающим до колена травостоем.

«Все?!» – Он остановился, оглянулся, тяжело дыша, едва переводя дух.

Ослепительно-сиреневый сгусток поднимался все выше. Хотелось пить.

Никита жадно поймал губами короткий патрубок, сделал

несколько глотков воды и решил углубиться в лес, темнеющий с противоположной стороны поляны, но не тут-то было! Бронескафандр не подхватил усилие мышц, даже не покачнулся. Ни один сервомотор не заработал!

«Ну что же происходит, на самом-то деле?!» – он не увидел ни единой искры индикации на ободке забрала гермошлема.

«Нет энергии?! Опять?!»

Никита не на шутку разозлился, но ситуация от этого не стала проще. Внезапный отказ всех систем поставил его в глупое и рискованное положение. Ну надо же! Уже во второй раз за несколько часов он стал заложником собственной экипировки!

На краю поляны дрогнули ветви кустарника. С десятков гориллоподобных тварей появились в поле зрения, с торжествующим ревом бросились к беззащитной жертве.

Никита даже испугаться не успел. Из чащи леса за его спиной вдруг раздались очень громкие отчетливые выстрелы. Били одиночными, целясь наверняка. Пятеро гориллоподобных существ споткнулись на бегу, рухнули навзничь, остальные тут же повернули назад, попытались скрыться, но беспощадный снайперский огонь выкосил и их.

На некоторое время наступила глубокая тишина, затем раздались тихие шаги, и наконец в поле зрения появились люди в простой, но удобной одежде. Они носили одинаковые куртки, кожаные брюки, высокие сапоги.

Их было пятеро. Трое молодых парней ничем особенным не выделялись, внимание привлекали старик и девушка. Он – коренастый, осанистый, с грубыми чертами лица, тяжелым взглядом глубоко посаженных глаз, она – стройная, но невысокая, похожая на подростка из-за короткой стрижки и совсем неподходящей для женщины одежды.

«Потомки колонистов?» – Никита заметил, что все пятеро вооружены автоматами системы «АРГ-8», той самой знаменитой колониальной модели, разработанной лично Гансом Герветом по заказу корпорации «Римп-кибертроник» еще на заре Великого Исхода.

Старик подошел к нему, остановился напротив, сумрачно взглянул и вдруг язвительно спросил:

– Ну и как? Добегался? – Он добавил непонятное слово и сплюнул.

Никита совершенно не понял причины его неприкрытой враждебности.

Один из парней достиг границы кустарника, скрылся в зарослях. Оттуда раздался характерный звук металла, царапнувшего о камень: стрелок поставил «АРГ-8» на сошки и негромко произнес:

– Они отошли. Недалеко. Прячутся.

Никто не ответил на его слова.

Девушка на Никиту даже не взглянула, замерла поодаль, поглядывая по сторонам с настороженным вниманием. В ее осанке, взгляде, манере держать оружие сквозили повадки

хищника, готового и умеющего убивать без жалости и сомнений.

– Курт, Макс, займитесь им! – приказал старик.

К диспейсеру подошли двое парней. Для далеких потомков колонистов они неплохо знали устройство современной гермоэкипировки. Один ловким движением открыл внешний порт доступа, расположенный на правом предплечье скафандра, второй крепко ухватился за нагрудную бронепластину, кивнул, давая понять, что готов.

Раздался тягучий звук. Преодолевая сопротивление неработающих сервомоторов, Курт при помощи специального привода установил все механизмы в положение технического обслуживания, после чего клацнули аварийные замки.

– Казимир, что делать с броней? – спросил Макс.

– Да тут оставим, – откликнулся старик. – Нам-то она на что?

Парень молча кивнул, с усилием отшвырнул тяжелый элемент экипировки подальше.

– Шлем с него снимайте, – буркнул старик. – А то мозги сейчас задымятся у недотепы.

Никита едва держался на ногах. Действие боевых стимуляторов вдруг резко пошло на спад, голова кружилась, да еще появилось неприятное жжение в районе затылка и надбровий.

– Мнемоник? – вновь обратившись к нему, сурово спросил Казимир.

– Нет, – выдавил Никита.

– Врешь! – Старик больно постучал костяшками пальцев по заглушке над его правой бровью. – А это для красоты, да?

– Я диспейсер!

– Что за зверь такой? – не понял Казимир. – Впервые слышу. Ты, парень, отвечай внятно, иначе разговор у нас выйдет коротким, – он бесцеремонно вытащил «Гюрзу» из захватов силовой кобуры скафандра, повертел ее в руках, небрежно отшвырнул в траву. – Смотрю, ты весь импульсными побрякушками увешан. Чем думал-то?

– Головой! – огрызнулся Никита.

– Будешь хамить, велю назад упаковать, в железки, и подыхай тут! – Старик быстро терял терпение. – Надо было тебя сразу пристрелить. Яне спасибо скажешь, – он кивнул в сторону девушки. – Пожалела. Человек все-таки... Ну? Говори, кто таков?

– Никита Белов. Вольный пилот с Окраины.

– Вот. Теперь понятно. Что тут забыл?

– Слепой рывок, – от внезапной слабости подкашивались ноги.

– Да неужели?! – Старик сверлил его недобрым взглядом. – Вот как тебе повезло, – сорвался на вертикаль и по чистой случайности угодил на наш демпфер? – с нескрываемым недоверием спросил он.

У Никиты все обмерло, похолодело внутри.

Срыв на вертикаль?!

– Где же я?! – вопрос вырвался невольно.

– В Первом Мире, если еще сам не догадался, – ворчливо ответил старик. – Ладно. Сядь и не дергайся. Если кибермодули из гнезд не вытащить, еще немного – и мозги у тебя действительно выкипят. Уразумел?

– Я сам, – Никита достал тонкий футляр. Морщась от возрастающей боли, он поочередно открыл заглушки имплантированных в черепную кость разъемов, извлек микрочипы, бережно упаковал их, мельком взглянув на сгусток энергии, уже поднявшийся высоко над лесом.

Первый Мир... – два слова прозвучали как приговор. Все мечты, надежды мгновенно сдохли. Осталась лишь тоскливая пустота.

Десятый энергоуровень гиперсферы... – набатом билось в голове.

– Ну, ты как? Очухался?

– Немного... – Он был настолько потрясен, что обида и злость улетучились.

Казимир и его люди спасли Никиту, без преувеличений. Еще немного, и кибермодули сгорели бы под разрушительным воздействием взошедшего над горизонтом энергетического сгустка.

– А вы кто такие? – сипло выдавил диспейсер, пытаясь как-то справиться с овладевшим им безысходным отчаянием. Из системы Ожерелье возврата нет. Все вертикали, ведущие к Обитаемым Мирам, контролируют боевые мнемони-

ки Конфедерации. Все. Карьера вольного пилота окончена.
– Мы – храмовники, – гордо, с достоинством ответил Казимир. – Слышал о нас?

Диспейсер подавленно кивнул.

– Смотрю, ты не очень-то рад.

– А с чего мне веселиться?! – Никита вскинул голову. – Уж я сюда не рвался, поверь!..

К ним подошла девушка. Не проявляя особого интереса к диспейсеру, она обратилась к старику:

– Уходить надо. Эмглы на подходе.

– Да ладно тебе, Яна. Пусть идут. Патронов хватит, – жестко усмехнулся Курт.

Девушка обернулась, окатила его холодным взглядом.

– Придурок, – вынесла она категоричный презрительный вердикт. – Сколько можно твердить: не плоды сущностей без нужды! Ночью они придут к тебе, а отбиваться придется всем!

Курт скривился, но на ответную грубость не решился. Взглянув в небо, он лишь пожал плечами и процитировал, явно подражая кому-то:

– Убитые на заре не восстанут в сущностях!

– Стемнеет – посмотрим, – Яна отвернулась.

Никита ровным счетом ничего не понял.

– Эмглы – это кто? – спросил он.

– Твари, что за тобой охотились, – пояснил Казимир. – Они постоянно подле «Андромеды» ошиваются. Святилище

там себе устроили.

– У них есть какое-то энергетическое оружие! – на всякий случай предупредил диспейсер. Без бронескафандра он чувствовал себя крайне неудобно, словно остался голым.

– Ты и впрямь ничего не знаешь? Или дурачка из себя корчишь? – Курт искал, на ком бы сорвать злость. – Мнемоник он засланный! – Храмовник размахнулся и едва не двинул Никите прикладом, но Яна с удивительной ловкостью перехватила его движение.

– Отвали! – ее хриловатый голос воздействовал на Курта, будто пощечина. Он отступил на шаг, скрипнул зубами, но снова смолчал.

Казимир хмуро наблюдал за разыгравшейся сценкой.

– Уходим. – Он цепко ухватил Никиту за плечо, заставил встать. – Ну? Тут останешься? Или с нами пойдешь?

Выбора, по сути, не было, и диспейсер кивнул:

– С вами...

– Тогда шевелись! В темпе!

– А скафандр?!

– Забудь. Он больше тебе не понадобится!

* * *

Лес сомкнулся за спинами храмовников и диспейсера. Легкий ветерок продувал не предназначенный для повсе-

дневного ношения сетчатый пилотажный костюм. Нанобы³, образующие умную ткань, потеряли способность к трансформациям. Никита поежился, поглядывая вокруг. Мягкий фиолетовый сумрак наполнился нечеткими тенями. Плотные кроны хвойных деревьев едва пропускали свет. Подлесок был представлен разными видами бурых по окрасу растений с высокими хвоевидными стволами и тяжелыми, похожими на опахала, листьями.

Мрачные мысли не отпускали ни на миг.

Казимир чуть отстал от группы, зашагал вровень.

– Ну, чего пригорюнился? Учти, тебя никто не держит. Хочешь – ступай на все четыре стороны.

– Или?

– Или с нами оставайся. Легко не будет, но, может, и приживешься.

– Я подумаю.

– Думай. Сколько влезет. Но кормить мы тебя просто так не станем. Кусок хлеба придется зарабатывать.

У Никиты и так на душе было темно.

– Ладно, – буркнул он. – Лучше скажи, чем это они в меня запустили?

– Зришь в корень? – Казимир внезапно улыбнулся, черты его лица на миг разгладились. Помолодел лет на десять, но лишь на какую-то секунду. – Там у вас, – он неопределенно указал вверх, – наверное, всякие бредни в ходу?

³ Нановолокна, автоматически реагирующие на погодные условия.

– Да толком никто ничего и не знает, – пожал плечами диспейсер. – Так, общие сведения.

– Ну, ты быстро сориентируешься, – он снова усмехнулся, но теперь уже криво. – Иначе долго не проживешь. Как бы объяснить попроще? Тут излучения гиперкосмоса – через край. Все им пронизано. От этого электроника не выдерживает, даже обыкновенная проводка сгорает, если не защищена специальной экранировкой. Зато живое приобретает способность использовать энергию своего организма и даже структурировать ее. Я, браток, не ученый и никогда им не был. Все, о чем говорю, на своей шкуре испытал. Мы тварей инопланетных отлавливали и с пристрастием допрашивали, эти способности постигая. Но не всякому дано научиться. Иным и жизни мало... – он нахмурился, замолк.

– Так меня что... реально, плазмой?

– Угу. Эмглы это умеют. Не все, конечно. Старейшины их.

– А что за «сущности» такие?

– Ночью узнаешь. Хотя ты ведь имплантированный у нас. Наверное, сумеешь понять. Энергоматрицы это. Посмертные. Некоторые даже волей обладают.

– Seriously? И как с ними быть?

– Убивать. Разрушать энергией более мощной. Иначе одно средство – рассвет. Излучение нашего «солнышка» тварей ночных стирает вмиг.

– Охотно ты все рассказываешь.

– А мне скрывать нечего, – ответил старик. – Тут у нас как

заведено: если человек, значит, свой. Ну а тварь инопланетная – так получи пулю.

– Ну ты ж на меня накинулся. И Курт, – диспейсер отыскал взглядом рослую фигуру.

– У нас к мнемоникам свой счет. Особый. Если узнаю, что ты на них работаешь, – смерти сам будешь просить, но не допросишься, – зловеще пообещал Казимир.

– Это как?

– Лучше тебе не знать. Крепче спать будешь. – Старик, сочтя разговор оконченным, прибавил шаг, нагоняя своих.

* * *

Лагерь храмовников расположился на вершине холма, в предгорьях.

С точки зрения Никиты, исходя из услышанных им обрывков разговоров, селиться вообще-то следовало в горах, подальше от равнины, откуда приходит опасность.

Голые обветренные склоны носили не только следы естественной эрозии, но и какой-то давней катастрофы. Под ноги попадались участки оплавленной поверхности. Руины начинались у подножия холма. Поблизости ветвились несколько логрианских дорог. Вдалеке, если присмотреться, можно было различить контур черного города инсектов.

Оборонительные сооружения храмовников выглядели примитивно. Стена из массивных каменных глыб поднимала-

лась едва ли на полтора-два метра, была неровной, многие ее участки выделялись сырой кладкой.

– Есть хочешь? – Казимир остановился, обратился к Никите, как только группа миновала строящиеся ворота.

– Хочу.

– Тогда иди, работай.

– В смысле?

– В прямом. Здесь форпост. Военное поселение. Дармоедов мы не терпим. Видишь казарму? – он указал на двухэтажное здание.

– Ну?

– Жить будешь там. Вечером найдешь меня. Покажу, где спать. Ужин после заката. Сейчас пристрою тебя к делу, а там посмотрим, на что ты вообще годен, – проворчал он. – Серега! – Казимир призывно махнул рукой.

– Ну? Чего? – Невысокий мужик средних лет проворно спустился с недостроенного участка стены.

– Принимай новичка.

Серега окинул диспейсера оценивающим взглядом.

– Хилый.

– Какой есть, – буркнул Казимир. – Пусть камни таскает. До вечера пригляди за ним. Будет отлынивать, – скажешь.

– Ладно, – мужик пожал плечами, протянул Никите пару грубо сработанных кожаных перчаток. – Надень, а то руки ссадишь. Видишь обломки у дороги? – Он указал на древнее строение, превращенное в груду битого камня. Похоже, его

просто подорвали зарядом взрывчатки.

– И что я должен делать?

– Не понимаешь? Берешь камень, тащишь его к вагонетке. Закидываешь внутрь, и за следующим. Наполнишь доверху – дерни веревку. Пока вагонетку втащим наверх и разгрузим – отдыхаешь. И снова за дело. Если работа не по нутру – ступай на все четыре стороны. – Он в точности повторил слова Казимира и добавил от себя, заметив гнезда имплантов: – Ближайшая база Конфедерации по ту сторону гор. Подойдет любая логрианская дорога. Решай сразу.

– Мне к конфедератам нельзя, – вздохнул Никита, теребя перчатки из грубо выделанной кожи. – А что сервы? – он указал на пару механизмов, застывших у подножия холма.

– Не пытайся увильнуть! – презрительно фыркнул храмовник. – Сервы и ночью-то не выдерживают. Либо принимайся за дело, либо уходи.

* * *

Никита решил остаться.

Присмотреться надо к местным. Задерживаться тут на положении разнорабочего он, конечно, не собирался. Но и выхода из сложившейся ситуации пока не видел. «Денек поработаю», – рассудил он, поднимая увесистый обломок камня.

Спина вскоре отозвалась болью. Руки и ноги дрожали от напряжения. Уже через час, загрузив вторую по счету ваго-

нетку, он понял, что просто не выдерживает непривычных физических усилий.

«Ну, еще не хватало свалиться у всех на виду!» – зло думал он, с надрывом приподнимая очередной камень. Наверху, где другие обитатели форпоста возводили стену, он время от времени замечал фигуру Яны, – она руководила работами, иногда слышался ее голос – грубоватый, не терпящий возражений.

Дикость полная! – он дернул веревку, вагонетка качнулась, медленно поползла вверх по склону, стал слышен скрип примитивной лебедки, при помощи которой подтягивали груз.

Ладони горели огнем. Каждый последующий камень казался тяжелее предыдущего. Суставы ломило, тупая боль теперь разлилась по всему телу. Пот катился градом. Одежда местами промокла, а треклятое «светило» словно приклеилось к зениту.

Сколько же тут длится день?

При всей стойкости характера, воспитанного дикими нравами Окраины, он отчетливо понял, что до вечера ему не выдержать. Так что же? Бросить все? И куда идти? Через горы, – он сел, давая отдых дрожащим от напряжения мышцам, взглянул на высокий хребет, затянутый вуалью знойной дымки. Ну, допустим, дорогу одолею. А что ждет там? Встреча с боевыми мнемониками Конфедерации Солнц? Они без проблем добавят к длинному списку моих «преступлений»

незаконное пребывание в системе Ожерелье. При всей скудости информации, любому вольному пилоту Корпоративной Окраины хорошо известно, что пространство десятого энергоуровня гиперсферы охраняется особенно строго, здесь базируется специально созданный космический флот. После открытий профессора Кречетова тему Первого Мира быстро засекретили, но некоторая информация просочилась в сеть Интерстар.

Если говорить честно, то Никита никогда особо не интересовался системой Ожерелье. Знал, что путь сюда закрыт.

Пальцы рук противно дрожали. Вагонетку разгрузили, и она, нервно поскрипывая, ползла вниз по рельсам.

Никита привстал, уцепился рукой за огрызок стены.

Перед глазами на миг потемнело, вспыхнули, замельтешили разноцветные искры, а когда зрение прояснилось, он заметил появившийся вдалеке шлейф пыли.

Привычное машинальное мысленное усилие ни к чему не привело. Он не смог приблизить и детализировать изображение, но вскоре и так стало понятно: по древней логрианской дороге на приличной скорости несется машина. Помятый борт, срезанная крыша, вооруженные люди. На лицах – матерчатые повязки. Простейшее защитное средство от едкой пыли.

Со стороны строящихся укреплений вдруг ударил одиночный выстрел, – снайперы храмовников не дремали.

Машину занесло, юзом развернуло поперек дороги, но

бой не вспыхнул, — незнакомцы даже не попытались ответить на огонь. Двое скрылись в руинах, а третий вышел на открытое пространство, призывно взмахнул рукой.

Со стороны укреплений появился Казимир. Его кричащую фигуру трудно не узнать.

Никита привалился к груде камней, настороженно наблюдая за развитием событий.

Храмовник не торопился. Он явно чувствовал себя хозяином положения. Еще бы. Сколько стволов прикрывают его спину?

Незнакомец терпеливо ждал. Двое его людей не показывались, затаились в руинах.

В подобных ситуациях Никита привык контролировать события, даже если оставался в стороне от зреющих проблем, но, увы, теперь способности диспейсера сводились к удручающему минимуму. Зрение и слух.

Глаза слезились от пыли. Звуки не несли надежной, исчерпывающей информации.

Казимир спустился с холма, остановился неподалеку от груды камней.

Незнакомец решительно направился к нему.

— Ну? Что на этот раз? — спросил храмовник.

— Мурглы. Цена обычная.

— С контроллерами?

— Без. Сами установите.

— Не возьму.

– Эй, погоди! Да не было у нас времени на отлов существ! У тебя что, своих спецов нет? Ну, Казимир, они же покладистые! И так работать станут, за еду!

Храмовник обернулся.

– Без контроллеров не возьму.

– Да ладно тебе! Нам патроны нужны! Ну что тебе, жалко? Десять крепких выносливых мурглов! По сотне за каждого!

Видимо, цена была названа очень низкая, и Казимир задумался.

На дороге, петляющей среди руин спиралевидных зданий, показались существа, являвшиеся предметом торга. От их поступи содрогалась земля.

Натуральные великаны. Рост метров пять, не меньше. Кожа оливкового цвета, структура тела напоминает человеческую.

Они двигались медленно, в хорошо развитых мускулистых руках несли какой-то скарб. Мощные головы покачивались в такт тяжелым шагам.

Никита не успел рассмотреть всех подробностей. Поблизости раздался шорох.

Он хотел оглянуться, но ствол оружия вдруг уперся в спину, и хриплый голос тихо произнес:

– Не шевелись.

Диспейсер замер.

Казимир тем временем принял решение, отрицательно качнул головой:

– Нет. Не возьму. Сами справимся.

Никита понял: сейчас храмовник словит пулю. Ствол перестал давить в спину. Мурглы, словно по команде, побросали свой скарб, каждый схватил по огромному увесистому камню.

Диспейсер резко развернулся, что есть сил врезал прячущемуся за его спиной работорговцу кулаком в переносицу.

Тот отшатнулся, издав глухой вскрик, на матерчатой повязке мгновенно выступила кровь.

– Казимир! Беги! – заорал Никита, выламывая из рук противника «АРГ-8».

Храмовник мгновенно сообразил, что к чему, но не кинулся прочь, а рухнул на землю. Выпущенная по нему очередь прошла выше, а спустя мгновение главаря работорговцев отшвырнуло ударом, – выстрел снайпера разнес ему голову.

Мурглы, глухо ворча, принялись метать камни. Несколько из них попали в укрепление, снесли участки свежей кладки.

Никита наконец вырвал оружие из рук противника, оглушил того резким ударом приклада, огляделся.

Казимир к этому моменту успел вскочить и теперь бежал к мурглам.

В руке храмовника сверкнул нож.

«Старик, наверное, с ума сошел?!» – Никиту обдало жаром.

Казимир действовал с завидным хладнокровием и ловко-

стью. Он увернулся от ударов, проскользнул под брюхом одного из разъяренных существ, полоснул ножом. Неприметный кожаный ремешок с закрепленной на нем темной корбочкой упал на землю.

Атакованный храмовником мурггл неожиданно замер, глухо взревел, завертел головой, словно не понимал, где он оказался и что происходит.

Остальные существа обернулись, внимая его реву.

Казимир не терял ни секунды. Он воспользовался замешательством противников, срезал еще пару загадочных устройств и, тяжело дыша, отбежал в сторону, остановился поодаль.

В наступившей вдруг тишине вновь ударил одиночный выстрел, в руинах раздался вскрик.

Мургглы сгруппировались, выронив камни. Они как будто очнулись от наваждения, глухо ворча, принялись осматривать друг друга, удивленно и настороженно поглядывая на старого храмовника.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.